

Ю. И. МУРЗАХАНОВ

**ОЧЕРК ИСТОРИИ
ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ**

XVIII—начало XX в.

Ю. И. МУРЗАХАНОВ

ОЧЕРК ИСТОРИИ
ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ

(XVIII — начало XX в.)

МОСКВА
Издательство «ЧОРО»
1994

ВВЕДЕНИЕ

В одной из статей, опубликованной в начале нынешнего столетия, утверждалось: «Странна и непонятна история еврейского народа вообще, но еще менее понятна история кавказских евреев»¹.

История кавказских (горских и грузинских) евреев до настоящего времени является практически неисследованной проблемой в отечественной историографии. Хотя отдельные вопросы этногенеза и этнической истории, соционормативной культуры, культуры жизнеобеспечения, этногенетических и этнокультурных связей этих народов и подвергались изучению, но систематическое исследование истории и этнографии кавказских евреев все еще остается делом будущего.

Мы поставили перед собой задачу проследить процесс накопления и развития этнографических знаний о горских евреях в русской науке XVIII—начала XX в.

На необходимость создания специальных работ по истории этнографического изучения народов Кавказа указывал еще известный кавказовед М. О. Косвен². Надо отметить, что отечественными историками проделана немалая работа в области историографии этнографии как отдельных народов³, так и целых регионов бывшего СССР⁴.

Главной источниковедческой базой настоящей монографии явилась имеющаяся историческая литература, изданная в XVIII—начале XX века (монографии, отдельные научные статьи, материалы периодической печати и т. д.). При выявлении источников нами использована справочная литература, и в первую очередь та, в которой учтено историографическое изучение горских евреев.

Первый небольшой указатель по истории и этнографии горских евреев привел в своих «Материалах для изучения еврейско-татского языка» выдающийся русский ученый В. Ф. Миллер, включивший в «Библиографию» 30 названий⁵.

В 1893 г. был издан «Систематический указатель литературы о евреях на русском языке со времени введения

гражданского шрифта (1708) по декабрь 1889 г.»⁶, благодарительно встреченный критикой⁷. Кавказским евреям в этом указателе был отведен небольшой раздел, включивший в себя более 30 названий⁸.

В 1935 г. известный ленинградский историк И. М. Пульнер подготовил и опубликовал указатель «Грузинские евреи в русско-еврейской периодической печати»⁹, имевший известную ценность и для библиографического изучения горских евреев. Им же в журнале «Советская этнография» была опубликована большая проблемная статья «Итоги изучения кавказских (грузинских и горских) евреев»¹⁰, в которой наряду с библиографо-историографическим обзором существующей литературы о кавказских евреях, намечались направления, по которым предполагалось вести дальнейшее изучение истории и этнографии этих народов.

В «Сборнике библиографических материалов Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», изданном в 1937 г., была напечатана обширная (190 названий) библиография «Горские евреи в русско-еврейской периодической печати»¹¹ (есть все основания предполагать, что автором данной библиографии являлся также И. М. Пульнер). Несмотря на ряд достаточно серьезных просчетов и неточностей, этот указатель остается до настоящего времени наиболее полным и ценным библиографическим пособием по истории и этнографии горских евреев.

Библиографический обзор существующей литературы о горских евреях дан также в кандидатской диссертации М. М. Ихилова «Горские евреи»¹².

Для выявления источников нами была использована ценная справочная литература, изданная в конце XIX—начале XX в. (Н. Ф. Дубровин, Д. К. Зеленин, Е. И. Козубский, М. М. Миансаров, Д. Д. Пагирев и т. д.¹³), а также библиографические пособия и указатели, вышедшие в послеоктябрьский период (А. В. Багрий, Г. А. Гулиев, М. О. Косвен, С. Д. Сказин, Р. У. Туганов и т. д.¹⁴).

Для подавляющего большинства публикаций о горских евреях, появившихся в исследуемый период, характерны, во-первых, описательность — что было естественным явлением, так как многие статьи, путевые заметки, очерки равно как путешественников, так и представителей русской науки, посещавших самые отдаленные уголки многонационального Кавказа, а также разного рода справки и донесения специального характера, составлявшиеся официальными ли-

цами и чиновниками, работавшими в местных органах управления, заключали в себе значительный фактический материал и способствовали знакомству широкой публики с бытом одного из народов Кавказа, не преследуя при этом научных целей; во-вторых, компилятизм—это, в свою очередь, приводило к тому, что многие неверные оценки и выводы подвергались должной критике (работы В. Ф. Миллера, И. Ш. Анисимова и некоторых других авторов, являясь исключением, подтверждают это правило). Этими же обстоятельствами объясняется тот факт, что изложение материала дается нами не по проблемно-тематическому, а по хронологическому принципу.

Начало XVIII века как исходный рубеж для историографического изучения горских евреев выбран нами не случайно, хотя отдельные письменные свидетельства о них как об отдельном этносе встречаются и в более ранних источниках. Грандиозные преобразования Петровской эпохи (и, в частности, учреждение в 1725 году Российской Академии наук) послужили мощным импульсом к началу изучения истории и этнографии народов Кавказа¹⁵. Именно благодаря активной деятельности Российской Академии наук уже к концу XVIII—началу XIX века русское кавказоведение накопило богатый и разнообразный фактический материал о народах Кавказа.

Во второй половине XIX в. вследствие того, что Кавказ становится составной частью Российской империи, усиливается интерес русских исследователей к его истории, географии, экономике, статистике и т. д. Все это вызвало новый всплеск самой разнообразной и, в первую очередь, историко-этнографической литературы о различных народах, проживавших на территории Кавказа, в том числе и о горских евреях, что подтверждает справедливые слова известного грузинского историка А. Крихели, который подчеркивал, что «изучение кавказских евреев не только проблема грузинских и горских евреев, а органическая и составная часть всей проблемы этнографии и истории Кавказа»¹⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Какителашвили Б.* Заметка о кавказских евреях.//Еврейская жизнь. СПб, 1906, № 1, январь с. 156.

² *Косаев М. О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке.//Кавказский этнографический сборник. М., 1955, вып. I, с. 265.

³ Вайнштейн С. И. Краткая история этнографического изучения тувинцев. // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968, с. 240—255; Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. История этнографии удмуртов. Ижевск, 1984, 141 с.; Гоголев А. И. Историография верований и шаманства у якутов. (Вторая половина XVII—50-е годы XX в.), автореферат канд. дисс., Якутск, 1973, 29 с.; Исхаков Г. М. Этнографическое изучение уйгуров Восточного Туркестана русскими путешественниками. Алма-Ата, 1970, 38 с.; Мамбетов Г. Х. Этнографическое изучение кабардинцев в годы Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы (1944—1950 гг.). // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1976, вып. 10, с. 69—86; Масанов Э. А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966, 322 с.; Матвеев Г. Б. Изучение этнографии чувашского народа в первой половине XIX века. // Вопросы историографии историко-этнографического изучения Чувашии. Чебоксары, 1981, с. 3—33; Мухамедова Р. Г. Этнографическое изучение татарского народа. // Развитие гуманитарных наук в Татарии. Казань, 1977, с. 70—76; Титова З. Д. К истории этнографического изучения хантов, манси и кетов в XVIII в. // История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979, с. 131—134 и т. д.

⁴ Бондарчик В. К. История белорусской этнографии. Минск, 1970, 123 с. (на белорусск. яз.); Горленко В. Ф. Становление украинской этнографии конца XVIII—первой половины XIX ст. Киев, 1988, 212 с.; Иванова В. Н. Историко-этнографическое изучение Якутии XVII—XVIII вв. М., 1974, 181 с.; Керимов Э. А. Очерки истории этнографии Азербайджана и русско-азербайджанских этнографических связей. Баку, 1985, 128 с.; Лукьянец О. С. Русские исследователи и молдавская этнографическая наука в XIX—начале XX в. Кишинев, 1986, 114 с.; Токарев С. А. История русской этнографии. (Доктябрьский период). М., 1966, 453 с. и т. д.

⁵ Миллер В. Ф. Материалы для изучения еврейско-татского языка. Введение, тексты и словарь. СПб., 1982, с. III—IV, «Библиография».

⁶ Систематический указатель литературы о евреях на русском языке со времени введения гражданского шрифта (1708) по декабрь 1889 г. СПб, типо-литография А. Е. Ландау, 1893. 568 с.

⁷ См.: Исторический вестник. СПб., 1893, т. LI, 2, с. 618; Московские Церковные ведомости. М., 1893, 2 мая, № 18, с. 250—252; Русская мысль, М., 1893, кн. IX, с. 450—451.

⁸ Кавказские евреи. // Систематический указатель..., отд. V, гл. 1, ф., с. 204—206.

⁹ Пульнер И. М. Грузинские евреи в русско-сербской периодической печати. (Указатель лит-ры). // Информационный бюллетень еврейской группы отдела национальностей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1935, № 3—4, с. 34—87.

¹⁰ Пульнер И. М. Итоги и задачи изучения кавказских (грузинских и горских) евреев. // Советская этнография. М., 1936, № 4—5, с. 105—121.

¹¹ Горские евреи в русско-еврейской периодической печати. // Сборник библиографических материалов Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1937, с. 81—141.

¹² Ихилов М. М. Горские евреи. (Опыт монографического исследования). М., 1949, отд. дисс. РГБ; автореферат канд. дисс. см.; Краткие сообщения Института этнографии. М.—Л., 1950, т. XI, с. 97—99.

¹³ *Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. т. I, кн. III, «Библиографический указатель источников к первым двум книгам». СПб., 1871, 640 с.; *Зеленин Д. К.* Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России. (Жилище. Одежда. Музыка. Искусство. Хозяйственный быт.). 1700—1910 гг. СПб., 1913, 733 с.; *Козубский Е. И.* Опыт библиографии Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895, 286 с.; *Он же.* Опыт библиографии Дагестанской области за 1895—1902 гг.//Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура, 1902, вып. I, с. 373—415; *Миансаров М. М.* Bibliographia Caucasica et transcaucasica. Опыт справочного систематического каталога печатным сочинениям на Кавказе, Закавказье и племенах, эти края населяющих. СПб., 1874—76, т. I, 804 с.; *Пагирев Д. Д.* Перечень некоторых книг, статей и заметок о Кавказе.//Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества. Тифлис, 1913, кн. XXX, с. 309—530 и т. д.

¹⁴ *Багрий А. В.* Материалы для библиографии Азербайджана. Баку, 1924, вып. I, 87 с.; 1924, вып. 2, 66 с.; 1925, вып. 3, 92 с.; *Он же.* Народная словесность Кавказа. Баку, 1926, 131 с.; *Гулиев Г. А.* Библиография этнографии Азербайджана (изданной на русском языке до 1917 г.). Баку, 1962, ч. I, 127 с.; *Косвен М. О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке.//Кавказский этнографический сборник. М., 1955, вып. I, с. 265—374; 1958, вып. II, с. 139—274; 1962, вып. III, с. 158—288; *Сказин Е. В.* Дагестан в советской исторической литературе. Махачкала, 1963, 195 с.; *Туганов Р. Х.* Библиография Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгеи (с древнейших времен по 1917 г.). Нальчик, 1967, 679 с. и т. д.

¹⁵ *Косвен М. О.* Указ. раб., вып. I, с. 289; *Лавров Л. И.* К 250-летию академического кавказоведения в России.//Труды Института этнографии. М., 1976, т. 106, с. 3—10.

¹⁶ *Крихели А.* Изучение грузинских евреев.//Советская этнография. М.—Л., 1940, вып. III, с. 216.

Глава I
НАЧАЛО НАКОПЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ
СВЕДЕНИЙ О ГОРСКИХ ЕВРЕЯХ
В РУССКОЙ НАУКЕ
(XVIII — первая половина XIX в.)

**Ранние источники по истории и этнографии
горских евреев**

Первые фрагментарные письменные свидетельства о горских евреях мы встречаем в исторических описаниях, составленных преимущественно непосредственными наблюдателями жизни и быта этой своеобразной этноконфессиональной группы.

Арабские историки и географы IX—X вв. (ал-Истахри, ал-Масуди и др.) сообщают о наличии многочисленного еврейского населения на территории нынешнего Дагестана, указывая при этом, что они имели свои собственные молитвенные дома — синагоги¹.

Знаменитый средневековый рукописный памятник — «та-рихи» (хроника) «Дербент-наме» — свидетельствует о том, что еще до покорения Дагестана могущественным арабским халифатом, здесь существовала значительная еврейская диаспора².

Рабби Бениамин из наваррского города Тудела (и по тому известный как Бениамин Тудельский), путешествовавший по Кавказу в 60-х гг. XII века, зафиксировал еврейские поселения в Мидии³ (т. е. на части территории нынешнего Азербайджана).

Фламандский путешественник монах Вильгельм де Рубрук (Рубруквис) в своей книге «Путешествие в восточные страны»⁴ рассказывает, что в 1253 г., посетив Восточный Кавказ, встретил в этой «стране» (т. е. в Дагестане) доволь-

но много селений и аулов, в которых проживали евреи; весьма ценно и следующее его замечание: «во всех городах Персии (имеется в виду территория нынешнего Азербайджана — Ю. М.) живет много иудеев»⁵.

Египетский историк Тагриберди (1409—1470) рассказывает о еврейских купцах из «Черкесии» (т. е. Кавказа), посещавших в середине XV века Каир⁶.

Посетивший в конце 30-х годов XVII в. Дербент голштинский посланник Адам Олеарий отметил, что здесь проживают евреи «писавшие себя из колена Вениаминова».⁷ А известный голландский путешественник Я. Стрейс, побывавший в Дербенте летом 1670 г., указывает, что горские евреи являются крупными торговцами и «гордятся своим происхождением от колена Вениаминова»,⁸ т. е. от рассеянных по всему свету «десяти колен израилевых» (имеются в виду события, случившиеся в 722 г. до н. э., когда после взятия Самарии, столицы Израильского царства, ассирийским царем Салманассаром израильское население было уведено из своих родных мест ассирийцами и поселено в «горах Мидийских и Араратских», как об этом сказано в Библии (2-я Книга царств)⁹.

Голландский путешественник Н. Витсен, побывавший в Дагестане в 1690 г., сообщает в своей книге «Северная и Восточная Татария», что в селении Буйнак и некоторых татарских (мусульманских) селах проживают тысячи евреев; по его сведениям, в одном только Каракайтагском уцмийстве их было не менее 15 тысяч. Он пишет, что евреи занимаются в основном земледелием; они были уверены в том, что их предки прибыли на Кавказ после «ассирийского пленения»¹⁰.

Таким образом, анализируя фактические данные, имеющиеся в рассмотренных исторических источниках, мы можем сделать следующие весьма интересные выводы относительно некоторых аспектов этногенеза и этнической истории горских евреев:

1. Все авторы, наблюдавшие горских евреев, обращали внимание на их четко фиксированное этническое самосознание, выражавшееся в том, что они суть потомки одного из «колен израилевых».

2. Бесспорен тот факт, что уже в раннем средневековье на территории Восточного Кавказа существовали значительные еврейские поселения.

3. Горские евреи были известны на Кавказе как народ, занимающийся преимущественно торговлей.

Сочинения И.-Г. Гербера
«Известие о находящихся с западной
стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой
народах и землях и о их состоянии в 1728 году»

В 1760 г. в Санкт-Петербурге на немецком языке (русский перевод опубликован в том же, 1760 г., в «Сочинениях и переводах в пользу и увеселению служащих») было издано сочинение И.-Г. Гербера о жизни народов, живших на территории Дагестана и Ширвана¹¹. И.-Г. Гербер, немец, состоял на русской службе в чине капитана артиллерии; участвовал в персидском походе Петра I; в 1727 г. был членом комиссии по установлению русско-турецкой границы в Прикаспийской области, в связи с чем ему было поручено собрать материалы о состоянии земель и жизни народов, населяющих западный берег Каспия; им также были составлены карты этого края¹².

Работа И.-Г. Гербера занимает особое место в историографическом изучении горских евреев, так как это была, по существу, первая попытка дать их историко-этнографическую характеристику¹³.

Гербер локализует поселение горских евреев в Дербенте, Рустау, Кубе, владениях каракайтагского уцмья, а также в Шемахе и указывает, что они занимаются в основном земледелием и скотоводством; немногочисленная шемахинская община, по словам автора, занимается торговлей.

Сообщая сведения о языке горских евреев, Гербер пишет: «Они говорят тем языком, в которой земле живут, а равнины их разумеют также и по-еврейски»¹⁴ (отметим, что под еврейским языком в данном случае следует понимать древнееврейский язык). Безусловно, как и многие небольшие этноконфессиональные группы, долгое время живущие в условиях компактного иноэтнического окружения, горские евреи восприняли от окружающих народов элементы их материальной и духовной культуры (в том числе и язык), но бесспорно и другое, а именно — то, что горские евреи разговаривали между собой на своем родном, татском, языке (видимо, этого автор просто не знал).

Гербер фиксирует кагальную структуру горско-еврейской общины; указывает на то, что горские евреи платили своим феодалам помимо податного налога, еще и подушный; он констатирует так же факт значительной и длительной этнической ассимиляции горских евреев. Автор красочно повествует о тяжелом и бесправном положении, в котором находились горско-еврейские общины, и подчеркивает, что «употребляют их во всякую трудную и черную работу»¹⁵. Интересно, что, говоря о многочисленных феодальных повинностях, которые вынуждены были нести горские евреи, он указывает на то, что они должны «отправлять и военную службу».

Для характеристики проблем этногенеза горских евреев весьма любопытным представляется следующее замечание автора: «Они сами объявляют, что по большей части произошли из колена Иудова, а некоторые из Вениаминова, напротив того, многие не знают, к которому колену принадлежат. Раввины их также не знают, как токмо то, что предки их Музулом Пади-шахом, или Царем Музулским, то есть Ниневитским, увезены в полон из Иерусалима, и разосланы по Мидии и по здешним странам»¹⁶. Наиболее ценным в этом сообщении является то, что Гербер отделяет собственно народное предание от слов раввинов (которые, кстати сказать, путают исторические факты — известно, что ассирийцы покорили северное Израильское царство; южное же, Иудейское, столицей которого являлся Иерусалим, продолжало существовать еще почти полтора столетия и было покорено в 586 г. до н. э. вавилонским царем Навуходоносором); в любом случае оба «источника» (в первом случае, этническое самосознание горских евреев, а во втором — библейские источники, на которые, несомненно, опирались горско-еврейские раввины) говорят в пользу теории о происхождении горских евреев от ассирийских и вавилонских пленников.

Несмотря на ряд неточностей и явных ошибок, сведения, собранные Гербером, «представляют собой ценнейший историко-этнографический материал»¹⁷. Интересно отметить тот факт, что впервые о горских евреях в Европе узнали именно из сочинения Гербера; так, в 1797 г. в Париже была издана книга о странах «лежащих между морями Черным и Каспийским» (русское издание в переводе Ф. Шишкевича появилось в 1810 г.), в которой дается (со ссылкой на Гербера) краткая характеристика горских евреев¹⁸.

Историко-этнографическое изучение горских евреев в конце XVIII — первой половине XIX в.

Известный ученый-естествоиспытатель, академик С. Г. Гмелин, во время своего известного путешествия в конце 60-х — начале 70-х гг. XVIII в., побывал на Кавказе. В своем знаменитом сочинении «Путешествие по России для исследования трех царств естества» он указывает, что на территории Кубы имеется «пространная слобода», в которой живут евреи¹⁹. помимо этого, по сведениям Гмелина, они проживают также «в лежащих вдоль по берегу Каспийского моря областях, а некоторые и в ближайших к Персии кавказских горах» (т. е. на территории южного Дагестана и части территории южного Азербайджана), и замечает: «Сами они сказывают, что сюда приведены пленниками и действительно происходят от колена Иудина и Вениаминова»²⁰. Любопытно также свидетельство знаменитого ученого о проживающих в Дербенте «персиянах»²¹; из его слов можно сделать вывод, что он сомневается в том, что они действительно переселенцы из Персии (можно предположить, что он говорит либо о собственно татах, либо о горских евреях).

В записках офицера Екатерининской эпохи, историка и писателя П. Зубова «Картина Кавказского края, принадлежавшего России, и сопредельных оному земель, в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях» подчеркивалось, что численность евреев, проживающих на Кавказе, довольно невелика²². Автор указывает, что близ Кубы есть горско-еврейский поселок Кулгат, замечая, что в самой Кубе и близлежащих поселках распространен татский язык; по его словам, евреи, живущие на Кавказе, сохраняют присущие еврейскому народу в целом этнические стереотипы поведения²³.

О. Евецкий, чиновник, служивший в канцелярии графа И. Ф. Паскевича, в своей известной работе «Статистическое описание Закавказского края», с присовокуплением статьи: «Политическое состояние Закавказского края в исходе XVIII века и сравнение оного с нынешним» констатирует, что жители еврейских поселков, расположенных в северном Дагестане, утратили «язык свой» (имеется в виду идиш — язык ашкеназов) и «не помнят, когда и по какому случаю зашли в горы, но веру свою, обычаи и предрассудки сохраняют и до ныне весьма твердо». По свидетельству автора,

горские евреи имели свои синагоги и у них сохранялась кагальная структура общины; он указывает также, что евреи проживают в поселке близ Кубы и в Дербенте («до 500 душ») ²⁴.

В 1836 г. в Санкт-Петербурге было издано обстоятельное исследование «Обозрение российских владений за Кавказом, в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях, произведенное и изданное по высочайшему соизволению». Одним из авторов этого ценного историко-статистического сочинения был В. Легкобытов, член совета Главного управления Закавказского края; его перу принадлежат описания районов, где проживали горские евреи. По мнению автора, миграция еврейского населения Ширвана, не сохранившего «даже преданий о своем... переселении», шла, по всей видимости, из Персии. Говоря о языке горских евреев, Легкобытов указывает, что «язык тамошних евреев смешан с персидским» (т. е. татским) и подчеркивает, что все евреи «знают совершенно татарский (азербайджанский,— Ю. М.) язык. Автор отмечает, что евреи имеют свои синагоги, занимаются преимущественно мелочной торговлей» ²⁵.

Описывая Кубинскую провинцию, автор указывает, что в слободе близ Кубы живут евреи «зашедшие туда с незапамятных времен», которые имеют свою синагогу. «Язык евреев сходен с языком тат»,— констатирует автор и подчеркивает, что евреи владеют также местным татарским (азербайджанским) языком ²⁶. Ряд интересных и верных наблюдений сделал автор о дербентских евреях. Указав, что в Дербенте проживают 50 еврейских семей, он пишет: «Евреи отправляют богослужение в синагоге. Должно однако заметить, что как дербентские евреи, так и другие в тамошних провинциях, придерживаются некоторых обрядов своей религии не в настоящем их виде, да и вообще учение их искажено и изменилось бы еще более, если бы не посещали их раббины, приезжающие иногда из России и Персии» ²⁷.

В 1838 г. в санкт-петербургском журнале «Библиотека для чтения» был опубликован отрывок из обширного сочинения известного ученого-ботаника, профессора Э. Эйхвальда «Путешествие по Каспийскому морю и по Кавказу», побывавшего на Кавказе в середине 20-х гг. XIX в. Он посетил горско-еврейский поселок (в десяти верстах от Тарков) и отметил, что жители поселка занимаются табаководством ²⁸. Вряд ли можно согласиться с утверждением профессора,

что жители этого поселка говорят «исключительно туземным татарским наречием»; скорее всего можно говорить о билингвистичности горских евреев (что отмечали и другие авторы). Интересно, что, давая языковую характеристику населению Баку и Ширвана, автор указывает, что помимо азербайджанского языка часть населения говорит на татском языке («простонародное наречие персидного языка», по определению Эйхвальда)²⁹.

В заключение нашего краткого исторического обзора укажем на следующую любопытную деталь. Как мы видим, все источники, сообщающие о горских евреях, называют их просто евреями, без уточняющего термина «горские». Известно, что самоназвание горских евреев — «джухур» (тюркизация арабского слова «гяур» — неверный, другой веры); ряд окружающих народов называют их также «джухур» (тюркизированное арабское «яхуд», происходящее в свою очередь от древнееврейского «йахуди», т. е. еврей). Собственно этноним «горские евреи» впервые появляется в документах местной администрации на Кавказе во второй четверти первой половины XIX века; таким образом царские чиновники пытались показать, что горские евреи значительно отличаются от ашкеназов, прежде всего в области культуры жизнеобеспечения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Караулов Н. А. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1901, вып. 29, с. 1—73; Он же. Сведения арабских географов IX—X веков по Р. Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане. // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908, вып. 38, отд. 1, с. 1—130.

² Derbend — Nameh, Or the history of Derbend Translated from a select turkish version and published with the texts with notes, illustrative of the history, geography, antiquities etc. by Mirza A. Kazem-Beg. St.-Petersburg, 1851, p. 24, 91, 92, 103.

³ Путешествие р. Вениамина Тудельского. // Три еврейских путешествия XI и XII ст. Эльлад Данит, равнины: Вениамин Тудельский и Петахий Регенсбургский. Перевод, примечания и карты Л. В. Марголина. СПб., 1881, с. 100, 102.

⁴ Rubruquis W. Itinerarium fratrum Willielmi de Rubruquis. // Hakluyt R. The Principal navigations, voyages, travels and discoveries of the English nation. London, 1589, Vol. I.

⁵ Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрук в лето благодати 1253. // Иоанн де Плано Карпини. История монголов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911, с. 170.

⁶ Занд М. Горские евреи.//Краткая Еврейская Энциклопедия. Иерусалим, 1982, т. 2, с. 183.

⁷ Олгарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, с. 487.

⁸ Страйс Я. Три путешествия. М., 1935, с. 236.

⁹ Библия. Ветхий Завет. 2-я Книга Царств (IV, XVII, 6).

¹⁰ Witsen N. Noord en Oost Tartarye. 2 Uitg. Amsterdam, 1725, B. II, S. 567; цит. по: D'Ohsson M. Les peuples du Caucase Paris, 1828, p. 179.

¹¹ Garber J.-G. Nachrichten von denen an der westlichen Seite der Caspischen See zwischen Astrachan und dem Flusse Kur befindlichen Völkern und Landschaften von derselben Zustande im Jahre 1728.//Sammlung Russischer Geschichte. SPb., 1760, Bd. IV, 1/2. S. 1—147; русск. пер.: Гербер И.—Г. Известие о находящихся с западной стороны Каспийского ричшен See zwischen Astrachan und dem Flusse Kur befindlichen Völkern моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 году.//Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760, июль, с. 1—48; август, с. 99—140; сентябрь, с. 196—232; октябрь, с. 291—308.

¹² О Гербере и его сочинении см.: Русский библиографический словарь. М., 1917, с. 9—10; Полиевктов М. А. Европейские путешественники XIII—XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935, вып. 1, с. 111—114; Косвен М. О. Указ. раб., вып. I, с. 275—276; Гаджиев В. Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой» как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979, 269 с.

¹³ Гербер И.-Г. Указ. соч., с. 305—307 (глава «Жида»).

¹⁴ Гербер И.-Г., с. 305—306.

¹⁵ Гербер И.-Г., с. 306.

¹⁶ Гербер И.-Г., с. 306—307.

¹⁷ Косвен М. О. Указ. соч., вып. I, с. 276.

¹⁸ Voyages historique et géographiques dans les pays situés entre la mer Noire et la mer Caspienne... Paris, 1797, p. 56 (см. прим.); русск. пер.: Историко-географические записки о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским. Пер. с фр. Ф. Шишкевич. СПб., 1810, 121 с.; о горских евреях см. примечание на с. 48.

¹⁹ Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества. СПб., 1785, ч. 3, 1-я пол., с. 49.

²⁰ Там же, ч. 3, 2-я пол., с. 461.

²¹ Там же, ч. 3, 1-я пол., с. 19.

²² Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель, в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. СПб., 1834, ч. 1, с. 165.

²³ Зубов П. Картина... СПб., 1835, ч. 4, с. 75—76, 84.

²⁴ *Евецкий Орест*. Статистическое описание Закавказского края, с присовокуплением статьи: «Политическое состояние Закавказского края в исходе XVIII века и сравнение одного с нынешним». СПб., 1835, ч. I—II, с. 34, 84, 230.

²⁵ Обзорение российских владений за Кавказом, в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях, произведенное и изданное по высочайшему соизволению. СПб., 1836, ч. III, 1, Ширванская провинция, с. 74, 77, 19, 84.

²⁶ Обзорение... Ч. IV, 2. Кубинская провинция, с. 120—122.

²⁷ Обзорение... Ч. IV, 3. Дербентская провинция, с. 166—168.

²⁸ Путешествие профессора Эйхвальда по Каспийскому морю и по Кавказскому краю. // Библиотека для чтения. СПб., 1838, т. 26, ч. 2, отд. III, с. 144.

²⁹ Там же, с. 176.

Г л а в а 2

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Период со второй половины XIX по начало XX в. отмечен появлением многочисленных работ по истории, этнографии, антропологии и фольклору горских евреев. В рамках этого периода можно выделить два основных этапа: первый продолжался с 50-х гг. до 80-х гг. XIX в., а второй — с конца XIX в. по начало XX в. Учитывая большой вклад, который внесли в изучение истории и этнографии горских евреев выдающийся русский ученый В. Ф. Миллер и горско-еврейский этнограф И. Ш. Анисимов, мы сочли необходимым посвятить им отдельные статьи в рамках нашего исследования.

1850—80-е гг.

В 1853 г. в газете «Кавказ» появилась большая статья И. А. Сливницкого «Кавказские евреи» (ее полный текст был опубликован в особом приложении к газете «Кавказ» в 1868 г.¹. «Я не стану вдаваться в этнографические подробности быта евреев», — предупреждает автор и подчеркивает, что основная цель статьи «ознакомить читающий мир с судьбою евреев, разбросанных по горам и долам Кавказа»².

И. А. Сливницкий вкратце касается вопросов этнической истории горских евреев, основываясь на исторических трудах армянского историка Моисея Хоренского и вслед за ним повторяя версию о прибытии евреев на Кавказ после ассирийского пленения. Автору довелось побывать в 1847 г. в кубинской и грозненской горско-еврейских слободах. «Горцы называют их ягуд, татары джауд, армяне грио, грузины урия, икраил», — указывает он экзотонимы, под которыми евреи были известны окружающим их автохтонным народам Кавказа.

Говоря об основных занятиях горских евреев, И. А. Сливичский констатирует, что кубинские евреи занимаются в основном табаководством и мареноводством, а грозненские — мелочной торговлей. Как известно, пища — один из наиболее устойчивых элементов традиционно-бытовой культуры этноса; в связи с этим автор много пишет о еврейской традиционной системе питания, особо указывая, что влияние иноэтнических систем питания на горских евреев не столь заметно, как у ашкеназов (европейских евреев); конфессиональные взгляды в отношении пищи у горских евреев он связывает с сильным влиянием традиционных религиозных устоев.

Довольно интересны статистические данные, собранные автором. По его сведениям, общая численность кавказских евреев составляла 25 тыс. человек; при этом в Дербенте было 40 горско-еврейских домов (домов), в Кубе — 800, Мюльджи — 300, Ньюджи — 35, Варташене — 150.

В 1862 г. в русском приложении к журналу «Гакармель», выходившем на иврите (древнееврейском языке) в Вильно, был опубликован очерк «Кавказские евреи», подписанный «Кавказец» (судя по содержанию очерка, автор — русский офицер, проходивший службу на Кавказе). Название очерка не должно вводить в заблуждение исследователя — говоря о кавказских евреях, автор описывает жизнь и быт собственно горских евреев, и, в частности, дагестанских евреев.

Автор констатирует, что длительные этнокультурные контакты горских евреев с кавказскими народами привели к тому, что они «составили вместе... одно цельное и совокупное»⁵, характеризует правовое положение горских евреев, сообщает краткие сведения об обряде оплакивания (подчеркивая, что этот обряд совершается над умершими естественной смертью), дает пространное описание религиозного праздника Пейсах — еврейской пасхи, обращает внимание на полное отсутствие еврейских училищ в местах компактного проживания кавказских евреев. Статистические сведения, приводимые автором, показывают, что в 1860 г. общая численность кавказских евреев составляла 14315 человек (правда, автор при этом указывает, что им не учтены северокавказские — т. е. грозненские и нальчикские — евреи).

По мнению автора, антропологический тип горских евреев «громко свидетельствует израильянское их происхождение. Только лицо обгорелое от господствующего здесь жар-

кого климата и горский костюм мешают с первого взгляда узнать кавказского еврея»⁶.

Стоит отметить, что весь очерк написан в очень доброжелательном тоне; чувствуется, что автору безразлична судьба народа, привлечшего его внимание.

Начало целенаправленного этнографического изучения горских евреев связано с именем известного путешественника И. Я. Черного (1835—1880), посетившего в 60—70-е гг. по поручению и при содействии «Общества для распространения просвещения между евреями в России» многочисленные общины кавказских евреев (в общей сложности Черный провел на Кавказе более десяти лет). В 1870 г. в третьем выпуске «Сборника сведений о кавказских горцах» был опубликован большой разносторонний очерк И. Черного «Горские евреи»⁷.

«Горские евреи, живущие с незапамятных времен между горскими племенами Кавказа, — пишет Черный, — отличаются весьма резко от всех своих европейских соплеменников нравами и обычаями, которые они позаимствовали у своих соседей—горцев, живя между ними в течение веков и даже тысячелетий. ...В предлагаемой статье и представляю собранные мною этнографические заметки о быте этих горских евреев, так еще мало известных, причем надеюсь, что труд мой не будет оставлен без внимания любителями истории и этнографии»⁸.

В первой главе автор подробно описывает типы жилищ горских евреев — планировку домов, строительный материал, применявшийся при постройке, внутренний интерьер жилища; особо останавливается на обычае гостеприимства, широко бытовавшего у горских евреев. Так, в частности, он пишет: «Хозяин обязан встретить гостя, взять у него из рук оружие, принять лошадь, угостить кунака, накормить коня и при отъезде провести его за ворота, с пожеланием ему счастливого пути. Подобное же гостеприимство хозяин надеется встретить и в свою очередь. Таким же образом принимают они и гостей из мусульман, заезжающих к ним по разным обстоятельствам, или для отдыха и ночлега. Каждый мусульманин имеет своих кунаков в еврейских деревнях и каждый еврей имеет таких же приятелей в мусульманских деревнях»⁹.

Ряд интересных и верных наблюдений сделаны автором при описании традиционной системы питания горских евреев.

Во второй главе Черный подчеркивает этнокультурную близость горских евреев с другими кавказскими народами, выражавшуюся в том, что они (т. е. горские евреи) «приняли мусульманский характер и многое из обычаев, нравов и образа жизни мусульман; но язык их остался тот же самый, фарсидско-татский, на котором они и ныне разговаривают между собой»¹⁰.

Автор приводит несколько народных преданий (информаторами выступили дербентские и кубинские евреи), ему удалось также записать — не всегда безошибочно — ряд слов и выражений на горско-еврейском языке (автор пришел к выводу, что в данном этнолекте присутствуют многочисленные лексические заимствования из древнееврейского языка).

По свидетельству Черного, древнееврейский язык, как правило, знали представители духовенства (да и то преимущественно раввины). Говоря о распространении грамотности среди евреев, он пишет: «Например, в Дербенте, где находится до 200 дымов евреев, найдется около 20 человек, знающих немного еврейскую грамоту; в Араге около 90 дымов и не больше 8 человек грамотных; в Кубе около 1000 дымов и только около 25 или 30 грамотных; в Грозном до 200 дымов, а грамотных всего 5 или 6. Столько же найдется их в Хасав-Юрте, в Мюджи, а в остальных аулах могут только одни раввины, да разве 1 или 2 из мирян, объясниться по древнееврейски»¹¹.

«По приезде моем в какую-нибудь деревню, — продолжает Черный, — я считал нужным посещать училища, чтобы видеть, где и как учат детей. Меня обыкновенно вводили в сакли, которые большей частью помещаются возле синагог или в домах раввинов. ...Обучают таким образом: раввин сидит на земле или на ковре, а вокруг него — все мальчики: вместе со своим учителем они кивают головами, читая молитвы или библию, с татско-фарсидским переводом и с татарским напевом. ...В г. Дербенте находится школа, в роде раввинского училища; она помещается при синагоге, в хорошей комнате — светлой, с окнами европейской формы и довольно чистой; те, которые кончают курс в этом заведении, получают свидетельство на звание раввина или резника от тамошнего главного раввина. Остальные же училища в г. Дербенте, а также училища в Грозном, Хасав-Юрте, Т.-Х.-Шуре и в деревнях находятся в весьма жалком виде»¹².

В третьей главе автор дает характеристику представлений горских евреев о смерти, о душе человека, о потустороннем мире, пересказывает народные предания и легенды, раскрывающие эти представления. Говоря о болезнях, распространенных среди горских евреев, Черный справедливо замечает, что причиной большинства их были пыльные улицы, скученность домов, непригодность жилищ к климатическим условиям и т. д.; лечили больных либо домашними средствами, либо прибегали к помощи знахарей.

Значительное место уделено описанию похоронных обычаев и обрядов. «Когда же больной умрет, тотчас же собирается целое общество в дома умершего»¹³, — отмечает Черный, указывая, таким образом, на широкий общественный характер горско-еврейских похорон (эта деталь похоронного цикла типична для многих народов Кавказа). Вот как описывает автор обряд оплакивания покойника женщинами (верно подметив, что отличительной чертой этого обряда было самоистязание плакальщиц): «...женщины плакальщицы собираются во дворе, садятся группой, в большой круг, и оглашают воздух протяжным плачевным напевом. Одна из них стоит на коленях и расхваливает достоинства умершего; в это время она бьет себя кулаками в лицо, в голову и в обнаженные груди, так сильно, что другие женщины, сидящие возле нее, удерживают руки ее с обеих сторон»¹⁴.

Интересно также описание автором некоторых элементов погребального ритуала (обычай одевать покойника в новую одежду, формы погребения, надгробные памятники и т. д.).

В четвертой главе Черный подробно описывает обряды и обычаи свадебного цикла, а также кратко характеризует обряды родильного цикла. Автор указывает, что среди горских евреев была распространена эндогамия (брак между ближайшими родственниками считался наиболее предпочтительным); брачного возраста девушка достигала в 12 лет. Он подробно описывает такую форму брака, как лютечное обручение, сообщает интересные и содержательные сведения об обычаях предсвадебного цикла, а также о собственно свадьбе.

Характеризуя именник горских евреев, Черный отмечает, что горские евреи «дают своим детям имена самые древнееврейские, которые теперь не в употреблении у европейских евреев. Это доказывает, что они должны быть потомки тех евреев, которые взяты были в плен Салманасаром ас-

сирийским, еще во времена первого существования храма иерусалимского, ибо употребляемые у них имена, мужские и женские, употреблялись еще во время странствования евреев в Аравийской пустыне и во время судей и царей израильских»¹⁵.

В пятой, заключительной, главе Черный приводит собранные им интересные статистические данные, которые сведены в единую таблицу; всего автором учтено 34 населенных пункта Дагестанской и Терской областей, а также Бакинской и Елисаветпольской губерний, в которых проживали горские евреи. По подсчетам Черного, общее количество горско-еврейских домов (дворов)—2780, синагог—43, раввинов — 48, училищ — 66.

Говоря о занятиях горских евреев, автор пишет: «Горские евреи занимаются преимущественно торговлей. Но многие из них выделывают также сафьян, занимаются мареноводством, разведением фруктовых и виноградных садов, для которых потребное количество земли арендуют у землевладельцев, на разных условиях, или приобретают покупкою, занимаются еще виноделием и разведением простого сорта табаку»¹⁶.

В 1878 г. в первом выпуске «Сборника сведений о Терской области» была напечатана еще одна статья И. Черного — «Горские евреи Терской области» (ранее опубликованная в 1869 г. в одном из январских номеров «Терских ведомостей»), содержащая ценный фактический материал по этнической истории горских евреев. Автор излагает свою точку зрения на проблему происхождения горских евреев, затрагивает вопросы их правового статуса, прослеживая положение горских евреев в период с начала XVII в. и до 60-х гг. XIX в., т. е. со времени, когда они находились под властью кумыкских феодальных владетелей (как известно, миграция горских евреев в Терскую область шла из Кумыкии), и до времени окончательного утверждения России на Кавказе; рассказывает об образовании нальчикской и грозненской горско-еврейских слободок.

После смерти И. Черного «Общество для распространения просвещения между евреями в России» образовало комиссию под председательством известного ученого-ориенталиста А. Я. Гаркави, которая, разобрав и обработав огромный архив неугомонного путешественника, подготовила к печати и издала в 1884 г. монографию под названием «Путешествие по Кавказу и Закавказскому краю И. Я. Черного» (на древнееврейском языке)¹⁷.

В 1871 г. в газете «Вестник русских евреев», издававшейся в Санкт-Петербурге, был опубликован пространный очерк Д. М. Дубелира «Евреи на Кавказе»¹⁸. Несомненно, что основным источником для написания очерка послужили работы И. Черного (отметим также, что автором использованы и другие литературные материалы — в частности, рассмотренная нами выше статья И. Сливицкого). Оригинальным является трактовка Дубелиром проблемы этногенеза горских евреев, собранные им статистические сведения о всех вообще свреях, проживавших на Кавказе (русских, грузинских и горских), а также этнографическое описание нальчикского горско-еврейского поселка, который, судя по содержанию очерка, автору удалось посетить.

«Весьма интересный и важный вопрос о происхождении кавказских евреев в настоящее время покрыт глубоким мраком»¹⁹, — пишет Дубелир. Рассмотрев библейские, античные, грузинские и армянские источники, автор приходит к следующему выводу: первое — евреи были переселены на Кавказ или из Ассирии, или непосредственно из Палестины; второе — они составляют часть десяти колен израилевых; и, наконец, третье — первое переселение имело место в VIII в. до н. э., а затем было еще несколько переселений.

Отметив, что горские евреи поселились в Кабарде в 1847 г., выбрав «местом для своего населения берег реки Нальчик, неподалеку от укрепления того же имени», он далее пишет: «По своей наружности аул Нальчик представляет весьма близкое сходство с казачьей станицей: тот же плетень вокруг всего селения, те же улицы, покрытые в сухое время своим пылью, клубами вздымающейся при каждом движении воздуха или во время дождей вязкой, с трудом проходимой грязи. Только вместо христианской церкви, среди селения на самом видном месте находится синагога... Все дома расположены в ряд, один возле другого, по прямой линии. Перед каждым домом непременно находится небольшой садик. Дворы обнесены плетнем, и обыкновенно на них заметна какая-нибудь пристройка, вроде сарая. Снаружи все дома выбелены, что дает им довольно опрятный вид... Жилое помещение состоит прежде всего из двух комнат, между которыми находится узенькая передняя. Одна из них, именно меньшего размера, в одно и то же время служит и кухней, и рабочей комнатой для женщин, и детской... В ней находится печь, которая отопляется кизяком, саманом (рубленой соломой), или хворостом; дрова употребляются до-

вольно редко. Трубы для печи обыкновенно не полагается, и дым во время топления частью должен выходить через отверстие, которое сделано в потолке прямо над топкой, а частью расходиться по всей кухне... В этой комнате делается еще теснее от того, что она обыкновенно бывает загромождена большими деревянными сундуками, наполненными разными хозяйственными принадлежностями, и массивными глиняными сосудами, в которых хранятся мука, рис и прочие предметы продовольствия.

Другая половина дома, более просторная, чистая и светлая, предназначается для приема гостей, служит столовой, а ночью спальней. Пол в ней, так же как и в кухне, глиняный, но он устилается войлоками, а у зажиточных евреев коврами. На стенах этой комнаты устраиваются полки, на которых, не без претензий на симметрический порядок и изящество, расставлена стеклянная и фарфоровая посуда, между которой особенно бросается в глаза небольшие довольно красивой работы стеклянные и глиняные сосуды... Внизу, вдоль стены, сложены в пирамиду одеяла, матрасы и подушки, последние обыкновенно делаются из шерстяной материи или пестрой холщовой набойки и набиваются сеном или шерстью. У богатых подушки бывают канаусовые или вообще из какой-нибудь плотной шелковой материи. По другой стене развешаны плохие, довольно аляповатой отделки, зеркала, обвешанные широкими кусками цветной шелковой материи, в виде полотенцев. Под зеркалами расставлены вдоль стены обитые жестью деревянные сундуки, в которых хранятся лучшие платья и наряды женщин. Кроме всех этих предметов в жилище раввина в этой же чистой комнате помещаются и его библиотеки, т. е. шкаф, в котором можно найти библию, талмуд и несколько других сочинений знаменитых учителей.

Такова обстановка в жилищах евреев Нальчика...»²⁰

В 1880 г. известный русский журналист и писатель Вас. Ив. Немирович-Данченко издал свою книгу «Воинствующий Израиль. (Неделя у дагестанских евреев)»²¹, ставшую широко известной. Исчерпывающую и точную характеристику этому сочинению дал один из его критиков, поместивший в Санкт-Петербургской газете «Новое время» рецензию, в которой, указав, что автор «пробыл в еврейских аулах очень недолго, но тем не менее, собранные им на месте сведения и беглые заметки о нынешнем виде, обычаях и нравах горных (т. е. горских.— Ю. М.) евреев переданы в беллетриче-

ской форме и читаются весьма легко», подчеркнул: «Конечно, строго этнографическими очерками эту книгу назвать нельзя, но тем не менее она заключает в себе некоторые бытовые данные, характеризующие воинствующего израиля»²².

Безусловно, сочинения Вас. Ив. Немировича-Данченко (имевшее, кстати сказать, громадный успех у читающей публики) относятся к области литературы художественной, а не научной. Множество исторических (равно как и целый ряд этнографических) данных позаимствованы им из трудов И. Черного. Тем не менее по всему произведению разбросано большое количество довольно интересных и метких оригинальных наблюдений автора относительно различных сторон жизни и быта горских евреев.

«Евреи на Кавказе, и именно горские,— пишет Немирович-Данченко,— то, чем они должны были бы быть везде, не обособленная, в исключительное положение поставленная община, а полноправные, сливающиеся с общей массой населения люди, полезные труженики и производители... Кавказский еврей везде работает сам, и с заступом, и с мотыгой, и с киркой. Поэтому и на вид смотрятся молодцами и красавцами, и окрестное мусульманство к ним относится с полным уважением, и в грязи страстей не гниют и ростовщичеством и гешефтом не занимаются, в виду более производительного и честного труда»²³.

Интересно отметить, что одну из глав в изданной в 1897 г. книге путевых очерков «В море» (XXIII. «В еврейском махале»), Вас. Ив. Немирович-Данченко посвятил описанию дербентского горско-еврейского квартала²⁴.

В 1882 г. в газете «Русский еврей» некто Александров опубликовал статью под названием «Горские евреи. (Исторические сведения о них и очерк их быта)»²⁵; статья эта представляет собой буквальное воспроизведение текста статьи И. Черного из «Сборника сведений о Терской области» (о чем, однако, Александров не упоминает).

В 1883 г. в Одессе была издана небольшая брошюра И. Сегалы «Кавказские евреи»²⁶, в которую автор включил свои очерки, печатавшиеся ранее на страницах русско-еврейской прессы. И. Сегаль, проживавший в Тифлисе, представляет как бытописатель различных сторон жизни преимущественно грузинских евреев. Проблемы, затрагиваемые автором (вопросы этногенеза кавказских евреев, некоторые аспекты их общественно-семейного быта, статистические сведения и т. д.), представляют определенный интерес для ис-

следователя истории и этнографии горских евреев. Отметим, что автор достаточно хорошо знаком, судя по его очеркам, с существовавшей исторической литературой по кавказским евреям; одной из его слабых сторон является то, что он не всегда критически относится к используемым источникам.

Представляет некоторый этнографический интерес опубликованная в одном из августовских номеров владикавказской газеты «Терские ведомости» за 1884 г. небольшая статья Х. Алидлаева «Из местных еврейских нравов»²⁷, в которой автор дает описание некоторых сторон жизни и быта нальчикских горских евреев.

В 1885 г. в газете «Кавказ» (№ 77 от 22 марта) была опубликована статья «Кавказские горские евреи. (Даг-Чуфут)»²⁸, подписанная Б. Ф. Автор широко использовал труды Черного, излагая некоторые вопросы этнической истории и остро стоявшей во второй половине 80-х годов XIX в. проблемы правового положения горских евреев; статья содержит также краткие, но интересные сведения этнографического характера.

В 1887 г. в газете «Терские ведомости» был опубликован небольшой, но очень содержательный и разносторонний этнографический очерк «Несколько слов о горских евреях» (подписанный «Кто-нибудь»), получивший широкую известность и впоследствии перепечатанный тифлисской газетой «Новое обозрение» и санкт-петербургским журналом «Северный вестник» (последний дал статью в подробном изложении)²⁹.

Автор отмечает, что горские евреи имеют свои, отдельные от ашкеназов, синагоги; обращает внимание читателей на обычаи гостеприимства, кровной мести; кратко характеризует отдельные компоненты культуры жизнеобеспечения горских евреев (одежда, пища); сообщает любопытные сведения о положении женщины в семье; весьма ценным представляется замечание автора о деспотической власти главы семьи (он первым из писавших о горских евреях обратил внимание на эту важную деталь местного обычного права).

Более подробно автор останавливается на обрядах свадебного и похоронного циклов. Он справедливо отмечает, что брак «основанный на взаимности чувств жениха и невесты», представлял крайне редкое явление; вопрос о браке решался родителями независимо от желания самих молодых людей. «Невеста покупается у горских евреев калы-

мом», — пишет автор и продолжает: «Чем красивее девушка, тем отец ее дороже ценит свой товар». Брачный возраст для девушки он определяет в 12 лет, а для юноши — 14 (здесь автор ошибается — согласно канонам иудейской религии, юноша мог вступить в брак по достижении им 13 лет и одного дня). Приданое невесты «заключается в шелковых одеждах, перинах, подушках и домашней медной посуде». В случае развода — если инициатором выступала жена — ее девичье приданое оставалось мужу, и наоборот, если муж настаивал на разводе и добивался его, то приданое возвращалось обратно жене. Накануне свадьбы жених в сопровождении друзей отправлялся на речку, и после купания (магический обряд очищения) облачался в свадебный костюм. По возвращении домой его встречали замужние женщины и осыпали крупой (магия плодородия), с пожеланием иметь много детей. Обязателен был обряд венчания в синагоге.

Описывая похоронные обряды горских евреев, автор особо останавливается на обряде оплакивания, подчеркивая, что если умерла девушка или юноша, то плачущая выражает сожаление, что умерший не успел насладиться супружеской жизнью. Если умер старик, она выражает сожаление, что умерший покинул семью. Сначала она плачет одна, но вскоре ее рыдания подхватываются всеми присутствующими и сливаются в один общий жалобный плач». И далее, описывая погребальный ритуал, он пишет: «Могилу копают желающие. При погребении соблюдаются обычаи не передавать лопату из рук в руки, а очередной должен сам поднять ее с земли и кончив работу, бросить лопату на землю. Тело умершего не кладут в гроб, как у европейских евреев, а завертывают в полость, покрывают новым одеялом и несут на кладбище, или везут на катафалке, если умер зажиточный. Тело опускают в могилу лицом к Иерусалиму. После похорон нанимаются тещи читать по душе умершего «Кадыш» (поминальная молитва. — Ю. М.).

В 1889 г. в нескольких номерах «Терских ведомостей» был опубликован ряд этнографических очерков под общим названием «Горские евреи»³⁰; автором их был поручик Бакин-ского пехотного полка в Александрополе (Эриванская губерния) А. Т. Васильев (1858—1891), талантливый писатель и публицист. Несомненно, что это одно из самых значительных сочинений по этнографии горских евреев, изданных в обозреваемый нами период.

Во вступительном очерке (а всего таковых 8) автор, заметив, что горские евреи «большинству русской публики совсем почти неизвестны», подчеркивает, что «некоторые его обычаи очень интересны и оригинальны...». Васильев констатирует, что многие компоненты материальной культуры горских евреев (жилище, одежда и т. д.) позаимствованы ими у окружающих их народов Кавказа; дает подробное описание некоторых обычаев свадебного, родильного и похоронного циклов, передает представления горских евреев о потустороннем мире и т. д.

Остальные семь очерков подразделены автором на 9 больших глав. В первой главе Васильев рассматривает проблемы этногенеза и этносоциальной истории горских евреев, фиксирует кагальную структуру горско-еврейской общины, говорит о некоторых занятиях этноса; во второй главе дается описание антропологического типа горских евреев, а также приводится множество метких и любопытных наблюдений, характеризующих своеобразие этнической психологии горских евреев; третья, четвертая и пятая главы содержат довольно подробное описание культуры жизнеобеспечения этноса (жилище, одежда, пища); в шестой главе автор пишет о некоторых ремеслах, которыми издавна занимались горские евреи (интересные сведения о ремеслах, в которых горские евреи слыли искусными мастерами, содержат и ряд других глав); в седьмой, восьмой и девятой главах описываются обычаи и обряды свадебного, детского и погребально-поминального циклов (помимо этого, в девятой главе автор пишет о системе этикетных норм и действий, сопровождавших выполнение обычая гостеприимства, широко распространенной формы традиционного быта горских евреев; интересны также сведения автора о кровной мести, о таинствах и оберегах горских евреев и т. д.).

По словам Васильева, основным типом поселения горских евреев были аулы по несколько десятков и даже сотен дворов; строительным материалом для жилищ служили саман, камень, кирпич, дерево. Дома в основном были двух- и трехкомнатные (даже у самых бедных обязательно была комната для гостей — кунацкая). Внутренний интерьер сохранял элементы традиционного кавказского жилища. Интересно описание автора кунацкой. «У стены стоят широкие, но низкие нары,— пишет автор,— накрытые разноцветными паласами. На них лежат большие пуховые подушки в кумачовых и канаусовых наволоках, пестрые перины, одеяла с

разноцветными покрывками. Пестрота узоров так и бросается в глаза. По стенам развешаны медные и деревянные, мелкие и плоскодонные тазы, ружья, пистолеты и кувшины. В каждой кунацкой непременно есть зеркало, простое и плохое, прибитое к стене. На полках стоят громадные сундуки, иные с вещами, а больше для убранства кунацкой. В последнее время начал употребляться горскими евреями дощатый пол в кунацкой, вместо земляного. В кунацкой всегда царит полумрак, потому что ставни отворяют только во время приема гостей. Хозяин бережет эту комнату, сам редко в нее входит, заботится о ее чистоте,— в кунацкой вся его гордость, все его богатство».

Неприкосновенность жилищ к резким перепадам температуры, констатирует Васильев, приводила к тому, что среди горских евреев нередко были различные простудные заболевания, зачастую приводившие к летальному исходу.

«Домашняя посуда у горских евреев,— пишет автор,— бывает глиняная или деревянная. Самая употребительная — последняя. Медные кувшины служили для хранения воды, а медные круглые мелкодонные и широкие тазы употребляются во время свадеб и других торжественных случаев. На них подают фрукты, плоды и конфеты гостям. Между горскими евреями нет горшечников. Всю посуду, необходимую в хозяйстве, они покупают на базарах, причем поливаная глиняная посуда предпочитается неполиванной».

Васильев отмечает, что национальная одежда горских евреев ничем не отличается от традиционной одежды народов Кавказа; при этом, как он подчеркивает, одежда была, как правило, не покупная.

«Искусство шить и вышивать,— пишет автор,— между горскими евреями развито. Мужские бешметы, рубахи и штаны шьются исключительно женщинами, причем вся эта работа производится руками. Швейные маньи между горскими евреями не распространены. Горские еврейки искусно кроют и шьют чужаки из красного, черного и желтого сафьяна, обшивают их тонким позументом и продают на базарах за 30—20 копеек пару. Мужчины занимаются выделкой овечьих и телячьих кож... Телячьи выделанные шкуры сбываются местным торговцам обуви, а воловь шкуры продаются не выделанными разным скупщикам. Многие горские евреи сами выделывают перда, подметки и подошвы и продают их на базарах... Из выделанных козловых шкур горские евреи шьют себе чужаки, ноговицы и разные укра-

шённий для пояса, которые вышиваются разноцветными шелками».

«Обыкновенную одежду горских евреев, — продолжает далее автор, — составляют: папаха, черкеска, серая или черная, ситцевый бешмет, штаны из полосатого ситца и чуваки, надеваемые обыкновенно на голую ногу. Одежда женщин состоит из особого покроя рубахи и широких штанов красного или пестрого цвета, бешмета, чувак и разноцветных больших платков, окутывающих голову и шею. Платки носят во всякое время года и не снимаются ни в какую жару. Праздничная одежда у мужчин отличается от будничной тем, что ситцевые бешметы заменяются шелковыми, с вышитыми позументом воротниками; к чувакам иногда привязываются поговицы, а старые папахи заменяются новыми. Женщины в праздники тоже одеваются чисто, более же зажиточные, особенно девушки, наряжаются в черные атласные бешметы и платки с большими пестрыми букетами по желтому или белому полю. В большие праздники горский еврей украшает свой костюм самым лучшим кинжалом, какой у него есть, надевает через плечо широкий позолоченный позумент с несколькими кистями, опойковые сапоги...»

Характерной чертой традиционной одежды горских евреев, подчеркивает Васильев, является их чрезмерное пристрастие (особенно женщины) к различного рода украшениям.

По свидетельству автора, горские евреи «употребляют преимущественно растительную пищу: лук, чеснок, фасоль, огурцы, арбузы, дыни, сыр, масло, яйца и молоко... Самая употребительная ежедневная пища у горских евреев: чурек кукурузный или пшеничный, лук и чеснок. Чуреки они готовят в виде тонких лепешек, тесто месят на воде, приправляя в него немного соли. Затем эти лепешки они кладут на горячую золу и пекут... Пища в праздничные дни отличается некоторой роскошью: закалываются бараны, жарятся шашлыки, режутся куры, является плов из сарачинской крупы и разные лакомства... Горские евреи любят пряности и сласти. Они охотно лакомятся яблоками, грушами, и сами готовят иногда из теста пряники, придавая им виды: петухов, рыб, замочков и проч. Иногда пряники украшают глазиром. Из животной пищи горские евреи употребляют говядину, баранину и кур... Из всех кушаний у горских евреев самым почетным угощением считается плов, как символ изобилия и плодородия».

По мнению автора, горские евреи строго придерживались соответствующих конфессиональных взглядов в отношении пищи, свойственных для традиционной еврейской системы питания (запрет употреблять тrefную пищу, а также мясо «нечистых» — т. е. запрещенных к употреблению иудейской религией — животных, обязательное наличие отдельной домашней посуды как для мясной, так и для молочной пищи и т. д.).

Ряд интересных и верных наблюдений сделал автор, описывая занятия горских евреев; так, он пишет, что помимо торговли, они занимаются земледелием, скотоводством, садоводством, огородничеством, охотой.

Ценный фактический материал приводит автор, характеризуя такие социальные институты горских евреев, как брак и свадебный цикл. Основным способом заключения брака у горских евреев, отмечает Васильев, был покупной брак, основанный на уплате родителями жениха определенного выкупа — калыма — стороне невесты. Другим способом заключения брака был брак путем похищения (умыкание). Автор подчеркивает, что само умыкание имело у горских евреев две формы: насильственное похищение (против воли девушки) и похищение с согласия девушки, но вопреки воле ее родителей (т. е. уводом); впрочем, автор оговаривается, что случаи «насильственного увоза девушек редки».

По данным Васильева, брачный возраст был следующим: у юношей — 13—14 лет, у девушек — 11—12 лет. Чаше всего свадебные торжества справлялись летом и продолжались в течение 9 дней, а иногда и больше.

Далее автор описывает некоторые обычаи и обряды предсвадебного цикла, обряд венчания в синагоге, само свадебное торжество, подчеркивая, что большое значение придавалось целомудрию невесты. Если «девушка была невинна, — пишет автор, — раздается оружейный выстрел, после которого начинается особенное ликование и торжество. Если же девушка не сохранила целомудренности, свадебный пир прекращается, и молодой подрезывают на голове волосы. Жить или не жить с такой женщиной зависит от жениха. Он может простить вину своей избранной и может возвратить ее отцу, потребовав свой калым обратно».

Рождение ребенка у горских евреев совершалось в отдельной комнате; обычно женщина рожала, сидя на корточках; если роды затягивались, то находившиеся с роженицей в одной комнате повитухи применяли различные меры родовспомо-

жения. Рождение мальчика, замечает автор, вызывало ликование у отца ребенка, который устраивал по этому случаю праздничный обед. В случае рождения мальчика обязательным был обряд обрезания. Если ребенок заболел, прибегали к помощи знахарей.

Описывая погребально-поминальный цикл горских евреев, автор подробно останавливается на обряде оплакивания; погребение, по его словам, совершается преимущественно вечером; материалом для надгробных памятников служил тесаный камень. Интересно следующее замечание автора: «Женщины при похоронах мужчин на кладбищах не присутствуют. Вдова не имеет право вторично выйти замуж до тех пор, пока не будет погребено тело умершего мужа. Так, напр., если ее муж утонул или убит разбойниками, и если труп не отыщется, то вдова осуждается на вечное безбрачие».

Говоря об обычае гостеприимства, Васильев пишет: «Гостеприимство в обычае у горских евреев и распространено повсюду. Странник, зашедший в саклю еврея, почитается лицом неприкосновенным. Хозяин сакли обязан отвести гостю самое почетное место в кунацкой и все время заботиться о нем. При выходе гостя, хозяева молча, низко кланяются, причем женщины иногда выходят из сакли, а их место занимают мужчины. Если приходят родственники, то хозяин при встрече с ними обнимается, прикладывает своей щекой к щеке гостя и жмет ему руку. Затем хозяин или хозяйка стелет на нарах ковер или палас, кладет подушки, приглашает гостя сесть и спрашивает, не желает ли гость чего-нибудь поесть, что пусть он не стесняется, все его жалния будут исполнены и т. п. Обыкновенно угощение гостя начинается с чая, затем является вино, волка, плоды, яйца, сыр, шашлыка и т. п. На ночь гостю стелется мягкий тюфяк в кунацкой и приносится самое лучшее одеяло. Если гость болен, то хозяин приглашает старух-знахарок или стариков, которые занимаются лечением больного».

В. Ф. Миллер как исследователь языка и истории горских евреев

Всеволод Федорович Миллер (1848—1913) — выдающийся русский ученый, один из крупнейших деятелей российской науки и культуры конца XIX — начала XX в., автор многочисленных трудов по филологии, фольклористике, этнографии, археологии, истории литературы, не потерявших своего

научного значения и по сей день; председатель Этнографического отделения Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (с 1881 г.), хранитель Дашковского этнографического музея (с 1885 по 1897 г.), председатель Восточной комиссии Московского археологического общества (с 1897 г.), директор Лазаревского института восточных языков (с 1897 по 1911 г.); редактировал «Этнографическое обозрение» (с 1902 г.) и «Сборник материалов по этнографии, изд. Дашковским этнографическим музеем»³¹. Среди его огромного научного наследия достойное место занимают исследования по языку и этнографии горских евреев и татов³². В этих исследованиях, отмечал один из биографов Миллера... мы находим все характерные особенности лингвистических работ их автора: непосредственное изучение исследуемого языка в живом его виде и широкий интерес к этнографическим и историческим проблемам, возникающим по поводу данных языков и народов»³³.

В июне 1888 г., во время путешествия по Кавказу, В. Ф. Миллер посетил слободу Нальчик, где и познакомился с горскими евреями. М. М. Ковалевский, сопровождавший Миллера, отмечал в своем дневнике, что в Нальчике Всеволод Федорович «...записывал говор евреев, продолжавших держаться в своем разговорном языке средневекового персидского...»³⁴. В своем очерке «В горских обществах Кабарды», опубликованном в «Вестнике Европы», знаменитые путешественники делились с читателями своими впечатлениями, связанными с посещением горско-еврейского поселка: «В версте от Нальчика раскинулась довольно обширная еврейская колония. Интересуясь горскими евреями, сохранившими свой тип в несравненно большей чистоте нежели европейские, мы отправились туда. Мужское население было на базаре в Нальчике, и из окон и дверей на нас с любопытством смотрели смуглые библейские лица женщин и детей. Нам редко случалось видеть в течение какого-нибудь получаса столько правильных и прелестных детских личиков с знойными глазами и курчавыми головами. Остановившись перед чистеньким домиком рабби, мы вошли к нему, чтобы собрать некоторые сведения»³⁵.

В течение нескольких часов гости беседовали с раввином Х. Амировым. Они интересовались буквально всем, что касалось жизни и быта нальчикских горских евреев. В конце беседы по просьбе Миллера Х. Амиров продиктовал ему несколько слов и фраз на татском языке, которые Всеволод

Федорович записал в свой блокнот. «Заинтересованный этим своеобразным иранским наречием, — вспоминал позднее Миллер, — до сих пор не исследованным ни с грамматической, ни с лексической стороны, я искал случая познакомиться с ним более основательно. Такой случай представился мне в Москве, благодаря знакомству с горским евреем, студентом Императорского Технического Училища И. Ш. Анисимовым, который первый из кавказских единоверцев получил образование в русских учебных заведениях. В течение двух лет я изучал при помощи Анисимова его родной язык и составил очерк грамматики и словарь»³⁶.

Летом 1886 г. В. Ф. Миллеру вновь довелось побывать в Нальчике и Владикавказе, где он записал несколько сказок на татском языке; четыре из них («Чудесный подсвечник», «Бедный юноша», «Сказка о хане» и «Сказка о Молле Насреддине») были записаны в Нальчике (информаторами выступили Юно бин Симанду Юсуфов и Ирмия бин Нехамно), еще один вариант сказки о Насреддине был записан во Владикавказе (со слов братьев Исака и Абрама Резаковых), и три сказки («Глупость волка», «Человек, роптавший против бога», «Лентяй») были записаны Миллером уже в Москве, со слов И. Анисимова. Все восемь сказок были включены Миллером в его «Материалы для изучения еврейско-татского языка»³⁷. Во время этой поездки В. Ф. Миллеру удалось значительно пополнить запас слов для еврейско-татского словаря, над которым он работал. В письме к академику А. А. Кунину в ноябре 1886 г. он сообщает, что им было собрано около 3000 слов³⁸.

В августе 1887 г. В. Ф. Миллер выступил с докладом «О происхождении и языке кавказских евреев» на проходившем в Ярославле седьмом Археологическом съезде³⁹ (в программе, которая была роздана участникам и где перечислялись проблемные вопросы, выносимые на обсуждение съезда, значился и реферат Миллера «О преданиях и языке кавказских евреев»⁴⁰; в последний момент Всеволод Федорович несколько изменил название своего выступления). Это было первое публичное выступление Миллера, касавшееся языка и истории горских евреев. В октябре того же года на заседании Восточной комиссии Московского Археологического Общества он выступил с тем же докладом⁴¹. В нем В. Ф. Миллер сообщил некоторые статистические сведения о горских евреях. В вышедшем в том же году «Систематическом описании коллекций Дашковского этнографического музея» он пи-

сал: «Число кавказских (горских,— Ю. М.) евреев, живущих в Дагестанской области, в Бакинской и Елисаветпольской губерниях, а также в Терской и Кубанской областях, не превышает 17000 душ обоего пола»⁴², указал места их проживания, затронул некоторые проблемы этногенеза горских евреев, кратко охарактеризовал «еврейско-татский язык» (как называл его сам Миллер).

, В 1892 г. В. Ф. Миллер издает «Материалы для изучения еврейско-татского языка»⁴³ — ценное историко-лингвистическое исследование, которое, без сомнения, остается настольным пособием для любого ученого, занимающегося изучением языка и истории горских евреев. Монография состоит из библиографии (включающей 30 названий), введения, фольклорных материалов и еврейско-татского словаря. Во введении, представляющем собой обширный историко-этнографический очерк (дополненный лингвистическими данными), Миллер отмечал, что под горскими евреями он подразумевает «не всех вообще евреев, живущих на Кавказе», а так называемых «Даг-Чуфут», говорящих на иранском (татском) языке; они занимаются в основном земледелием, виноградарством, табаководством, мареноводством, кожевенным делом и мелочной торговлей. На основании многочисленных исторических (в частности, арабских, еврейских и хазарских) и литературных источников (записки Н. Витсена, Я. Рейнеггса, И. Гербера), опираясь на отраженные в ассирийских, вавилонских и персидских хрониках легенды о выселении евреев на Кавказ (привлекая при этом данные археологии, антропологии и антропонимии) и учитывая этническое самосознание горских евреев (выражавшееся в твердой уверенности о происхождении их от рассеянных по всему свету «десяти колен израилевых»), Миллер приходит к выводу, что «... в той части Мидии, которая впоследствии называлась Атурпатаканом, а в настоящее время известна под названием Азербейджана, существовало значительное еврейское поселение, которое и было колыбелью кавказских евреев»⁴⁵. Говоря о языке горских евреев, Миллер указывает: «Если б этот язык должно было охарактеризовать лингвистически без всякого отношения к населению, на нем говорящему, то характеристика его могла бы быть такова: это — иранское наречие, произносимое семитскими голосовыми органами и построенное отчасти фонетически, отчасти морфологически и синтаксически на тюркский лад. Такое наречие могло выработаться лишь в стране, где рядом живут этнические элементы иранский, семитский

и тюркский, — и такую территорией действительно был Азербейджан»⁴⁶. В опубликованной немного позднее статье «О семитском элементе в татском наречии горских евреев»⁴⁷ (основой для которой послужило выступление ученого на одном из заседаний Восточной комиссии Московского Археологического общества в ноябре 1899 г.) Всеволод Федорович писал: «...при полном отсутствии знаний еврейского языка, современные кавказские евреи продолжают так же отчетливо произносить наследованные ими от предков семитские звуки, как те первые поколения, которые много столетий тому назад употребляли в своем внешнем обиходе среди татов татский язык наряду со своим родным, которым продолжали говорить среди своих единоверцев»⁴⁸.

Анализ основных положений «Материалов» позволяет сделать ряд интересных выводов:

1) бесспорен факт существования в Мидии (а именно в Атропатене) многочисленной еврейской диаспоры;

2) этническая территория и численность горских евреев в прошлом были гораздо значительнее, однако насильственная исламизация (во времена арабского халифата) привела к заметной этнической ассимиляции горских евреев;

3) велико влияние — в результате многовековых этнокультурных контактов — автохтонных народов Кавказа на материальную и духовную культуру горских евреев;

4) значительно влияние тюркского компонента на еврейско-татский язык;

5) в результате длительного проживания горских евреев в условиях компактного иноэтничного окружения существенные изменения претерпел их антропологический тип;

6) этногенетические связи горских евреев с еврейским этносом прослеживаются в сохранении локальных черт в словарном составе еврейско-татского языка.

В 1893 г. В. Ф. Миллер опубликовал краткий, но очень содержательный очерк «Евреи горские» в знаменитом энциклопедическом словаре Ф. Брокгауза и И. Ефрона⁴⁹, представлявший собой сжатый пересказ историко-этнографических сведений, приведенных в его «Материалах...» (ряд статистических и этнографических материалов были взяты им из монографии И. Ш. Анисимова «Кавказские евреи-горцы»); для этого же издания им была написана статья «Кавказские языки»⁵⁰, где содержались данные о татском языке.

Во вступительном очерке к «Материалам для изучения еврейско-татского языка» Всеволод Федорович писал, что он

готовит отдельные работы по «грамматическим формам языка горских евреев». Вскоре он издает две небольшие брошюры, посвященные исследованию фонетики⁵¹ и морфологии⁵² татского языка (в апреле 1901 г., на одном из заседаний Восточной комиссии МАО ученый выступил с докладом «Морфологические черты еврейско-татского наречия»⁵³). В предисловии к «Очерку морфологии еврейско-татского наречия» Миллер отмечал: «...не надеясь в ближайшем будущем иметь новые материалы и необходимый досуг для их разработки, я решаюсь выпустить мой труд в настоящем его виде, как первый опыт грамматического изучения наречия, которое до появления моих «Материалов» не было известно иранистам»⁵⁴.

Летом 1903 г. В. Ф. Миллер, отдыхая в Сочи, занялся изучением так называемого «мусульманского» диалекта татского языка на котором говорит — писал Вс. Ф. — мусульманское татское население в некоторых уездах Бакинской губернии. Моим руководителем был молодой тат из селения Лагич... Шемахинского уезда, Агабала Джанбахшев, ученик Бакинского технического училища... Изучив раньше татское наречие горских евреев, я скоро познакомился с фонетикой и морфологией наречия татов-мусульман и мог записать фонетической транскрипцией издаваемые сказки, продиктованные мне Агабалой»⁵⁵. Итогом работы явились «Татские этюды», первая часть которых состояла из фольклорных текстов и татско-русского словаря, а вторая представляет собой очерк грамматики татского языка⁵⁶.

В 1913 г., незадолго до своей смерти, В. Ф. Миллер подготовил к публикации «Еврейско-татский ма'ни»⁵⁷ (песни); большую помощь в процессе работы над текстами песен ему оказал Нафтали Анисимов — студент специальных классов Лазаревского института восточных языков, будущий профессор — лингвист (племянник И. Ш. Анисимова). Обе песни — «Бедствие евреев» и «Песня молодежи» — были даны с переводом и комментариями самого Всеволода Федоровича.

...Один из биографов Миллера писал в некрологе: «Изучение татского языка не было доведено им до конца, но и сделанное им имеет громадное значение»⁵⁸. К сожалению, смерть помешала Всеволоду Федоровичу осуществить все свои планы (после смерти великого ученого в его архиве остались черновые наброски неоконченных статей, о чем писал его сын Б. В. Миллер, крупный ученый — востоковед, написавший ряд интересных работ по диалектам татского язы-

ка⁵⁹). Научные труды В. Ф. Миллера по исследованию языка и истории горских евреев представляют и сейчас немалую ценность и являются важной страницей в истории русской науки.

Горско-еврейский этнограф И. Ш. Анисимов

Выдающаяся роль в изучении этнографии горских евреев принадлежит первому горско-еврейскому этнографу И. Ш. Анисимову.

Илья Шеребетович Анисимов родился 29 мая 1862 года в селении Тарки Темир-Хан-Шуринского округа Дагестанской области. Его отец Шеребет Нисим-оглы известен как один из самых образованнейших раввинов своего времени⁶⁰. Он был первым горским евреем, учившимся в знаменитой Воложинской нешиве, после чего провел три года в Иерусалиме. Вернувшись из «святого города», он долгие годы служил раввином в Тарках (благодаря его усилиям здесь было открыто еврейское училище), а затем в Темир-Хан-Шуре⁶¹. Рано потеряв родителей, Шеребет остался кормильцем и главой большой семьи (у него на иждивении были несколько младших братьев; кроме того, к этому времени он был уже женат и имел детей)⁶². В начале 90-х гг. XIX в. он поселяется в Иерусалиме, где в 1894 г. ему удалось издать небольшую по объему книгу под названием «Древности горских евреев»⁶³.

Получив благодаря отцу хорошее домашнее образование, Илья был принят в 1882 г. сразу в шестой класс правительственной горской школы в Темир-Хан-Шуре (он обучался на казенный счет, получая стипендию военно-народного правления Кавказского края), а в 1883 г. поступил в дополнительный класс горского отделения Ставропольской гимназии, где прошел годичный курс обучения⁶⁴.

Еще в юношеские годы Илья познакомился с главным рабби южного Дагестана Х. Мушанловым, который часто бывал в доме Шеребета Нисим-оглы. Именно он и посоветовал Илье заняться этнографическим изучением своего народа и, в частности, описать свадебные и похоронные обряды горских евреев. Юноша с энтузиазмом взялся за работу и вскоре в русско-еврейской газете «Рассвет» появился очерк «Кавказские еврей-горцы»⁶⁵ (впоследствии в значительно переработанном и дополненном виде вошедший в монографию о

горских евреях). Статья была подписана Анисимов; с тех пор все свои работы Илья стал подписывать этой фамилией.

Еще в детстве Илью, когда ему было три года, обручили с девочкой, чьи родители дружили с семьей Анисимовых; приближался оговоренный ранее срок свадьбы. С большим трудом Илье удалось (не без помощи прибывшего с ним инспектора темир-хан-шуринской школы, высоко отзывавшегося о способностях одаренного юноши) уговорить родителей отпустить его на учебу в Ставрополь. Поэтому в 1884 г., сразу после окончания гимназии, Илья уехал в Москву и поступил в Императорское Техническое училище. Стипендия ему выплачивалась военно-народным правлением Кавказского края, а плату за обучение вносила канцелярия военного губернатора Дагестанской области⁶⁶.

...В мае 1885 г. в двух московских газетах — «Полицейские ведомости» и «Русские ведомости» — появилось следующее объявление: «В отъезде, не стесняясь расстоянием, ищет урока или какого-нибудь занятия студент-техник Императорского Технического училища И. А. Говорит на восточных языках. Адрес: Немецкая улица, Демидовский переулок, дом Шавровых, квартира Власьевой». Это объявление оказалось счастливым для Ильи; благодаря ему в жизни Анисимова произошло знаменательное событие, надолго определившее всю его дальнейшую жизнь — знакомство с выдающимся русским ученым В. Ф. Миллером (Илье удалось получить место в качестве частного преподавателя в одной из семей, близко знакомой с Всеволодом Федоровичем).

Ознакомившись со статьей Анисимова в «Рассвете», он разглядел его недюжинные способности и склонность к исследуемой научной работе, и привлек талантливого молодого человека к активной деятельности в возглавляемом им этнографическом отделе ОЛЕЭА.

31 октября 1885 г. И. Ш. Анисимов выступил с докладом на заседании этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Он привел собранные им статистические сведения о численности горских евреев, перечислил населенные пункты, где они проживали, познакомил присутствующих с религиозными верованиями горских евреев (особенно выделив в них элементы язычества). Касаясь таких институтов свадебного цикла, как калым и умыкание, докладчик подчеркнул, что «...обычай требует платить за невесту слишком высокий калым, рублей 300—400.

Обычай воровать девушек у евреев развит меньше, чем у других горских племен, так как увоз невесты постоянно кончается у них боевыми схватками с ее родственниками»⁶⁷.

В.Ф. Миллер, председательствовавший на заседании, отметил, что «сообщение г. Анисимова (или точнее Нисим-оглы) представляет тем больший интерес, что о горских евреях в нашей этнографической литературе до сих пор не было достоверных и обстоятельных сведений, и что г. Анисимов, сын раввина и первый из своего племени, получивший европейское образование, вполне приготовлен восполнить этот пробел в этнографической литературе»⁶⁸.

На одном из последующих заседаний (в январе 1886 г.) И. Ш. Анисимов продолжил свое сообщение. Он подробно рассказал о занятиях горских евреев — земледелии, виноградарстве, мареноводстве, кожевенничестве, указав при этом, что они занимаются также мелкой торговлей; остановился на некоторых вопросах общественно-семейного быта горских евреев⁶⁹.

В марте 1886 г. И. Ш. Анисимов был избран членом этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии⁷⁰. Тогда же он выступил с еще одним докладом, в котором подробно описал свадебные обряды горских евреев⁶⁹.

По предложению В. Ф. Миллера Московское Археологическое Общество поручило Анисимову совершить поездку на Кавказ для сбора историко-этнографических материалов о горских евреях (для этой цели Общество выделило 300 рублей)⁷². В своем отчетном докладе, по возвращении из поездки, Анисимов отмечал: «Благодаря ходатайству Вс. Фед. Миллера я получил поручение от Московского Археологического Общества описать в археологическом отношении Дагестан и собрать исторические предания горских евреев. Пользуясь этим благоприятным обстоятельством, я принял на себя и поручение этнографического отдела исследовать быт и собрать статистические сведения о моих соотечественниках...»⁷³.

Анисимов посетил 88 городов и аулов Дагестанской и Терской областей, Бакинской и Елисаветпольской губерний. «В общей сложности, в течении 3-х месяцев мне пришлось проехать по горам верхом около 1200 верст, а всего, считая от Москвы и обратно, около 7000 верст», — писал он в своей монографии «Кавказские еврей-горцы»⁷⁴. Во время путешествия он вел оживленную переписку с Миллером⁷⁵.

В июне 1883 г. Анисимов прибыл в Дагестан. В Темир-Хан-

Шуре он встретился с главным рабби Южного Дагестана Хазкелем Мушаиловым. «Как человек, содействовавший мне и прежде в собирании материалов для истории горских евреев, он очень обрадовался задуманному мною делу путешествия и разработки истории горских евреев, обещал опять сделать для меня все, что он в состоянии», — писал о нем Анисимов в одном из своих писем к Миллеру⁷⁶.

Хазкель Мушаилов передал Анисимову свои записи на древнееврейском языке (он долгое время собирал исторические предания о прибытии евреев на Кавказ, о различных, периодах этнической истории горских евреев). А главный Дагестана Яков Ицхаки (с которым Анисимов встретился позже) подарил ему свой экземпляр знаменитого средневекового рукописного памятника «Дербент-наме».

Во время своего путешествия Анисимов вел дневник, в котором подробно описывал все, что, по собственному признанию, слышал или видел. Он писал в одном из своих писем: «В каждом ауле оставался часа 2—3 или ночевать, собирал стариков, судей и старшин из евреев и мусульман, составляя статистику, расспрашивая об исторических памятниках, которые я описывал... работал неутомимо, не оставаясь отдыхать на день, на два ни в одном ауле, так что иногда, услышав о каком-либо памятнике, не пропускал и его, хотя путь мой имел совсем другое направление. Но на это все нужно было время и, боясь не успеть во всех местах, где есть евреи, за это короткое время, я ездил не думая ни о лишениях в дороге, ни о труде и безостановочно. Дороги были очень скверные и необработанные. Приходилось ехать на лошади и по узким тропинкам, идущим по ребрам или вершинам голых скал или больше лесов, где не раз в этих местах открывались глубокие овраги и пропасти, через которые протекали горные потоки с страшным шумом»⁷⁷. Попутно с выполнением основной цели своего путешествия, Анисимов собрал довольно большой по объему этнографический материал об удинах — небольшой народности, проживавшей в с. Варташен Елисаветпольской губернии.

Небезынтересно отметить, что путешествие И. Ш. Анисимова привлекало к себе внимание широких кругов зарубежной еврейской общественности⁷⁸.

В октябре 1886 г. Анисимов выступил перед членами Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с отчетным докладом о своей поездке. Он подчеркнул, что горские евреи, так же как и многие другие горские на-

роды Кавказа, не становились объектом научного исследования, и что знакомство с В. Ф. Миллером «обратившемся ко мне за сведениями о языке моего племени, вызвало во мне горячее желание подробнее изучить современный быт и прошедшую историю моих соотечественников»⁷⁹.

Подробно обрисовав маршрут своего трехмесячного путешествия и приведя статистические данные о еврейском населении в тех городах и аулах, где он побывал (для этого он пользовался имевшимися на местах посемейными списками, а если таковые отсутствовали, то ему приходилось самому составлять статистические таблицы), Анисимов заметил: «... везде я старался собирать старые письменные документы, расспрашивал о быте, занятиях, обрядах, обычном праве и произведениях народного творчества. Везде смотрели на меня как на своего, с доверием, так как я говорил на местных языках, татском или так называемом горско-еврейском и татарском, и не скрывали от меня никаких сторон своей жизни»⁸⁰.

Собранные им во время экспедиции интереснейшие исторические, этнографические и статистические сведения послужили исходным материалом для написания монографии «Кавказские еврей-горцы», которая была издана в 1888 году⁸¹.

«Среди многочисленных народностей Кавказа, — пишет Анисимов, — привлекавших к себе внимание исследователей-этнографов, сохранилось одно немногочисленное племя, о быте которого до сих пор известно очень немного. Это — горцы-евреи или, как их называют, «горские евреи»⁸².

Во введении автор дает небольшую историографическую справку, указав, что известно всего четыре сочинения, посвященных евреям-горцам (две статьи И. Черного — в «Сборнике сведений о кавказских евреях» и «Терских ведомостях», работа Вас. Ив. Немировича-Данченко «Воинствующий Израиль» и статья самого И. Анисимова «Кавказские еврей-горцы в «Рассвете»). Говоря о книге Немировича-Данченко, автор замечает: «Она действует более на воображение читателя своими фантастическими, художественными картинками, чем на ум», — оговаривается при этом, что изображением нравов, обычаев и некоторых сторон быта горских евреев, в виде художественных сценок, она приобрела довольно обширный круг читателей...» Более подробно разбирает Анисимов работы Черного, указывая на многочисленные неточности, допущенные известным путешественником при описании различных сторон жизни и быта горских евреев, и в то же вре-

мя подчеркивая, что «нужно... отдать и справедливость покойному автору и заметить, что, как любитель путешественник, он представил очень много интересного из действительной жизни горских евреев, описал их домашнюю обстановку и собрал статистические сведения об их численности и местах поселения»⁸³.

Говоря о проблеме происхождения горских евреев, автор пишет: «История переселения горских евреев на Кавказ достоверно неизвестна, и никаких письменных указаний не сохранилось на время этого переселения; но основываясь на народных преданиях, эти евреи ведут свое происхождение от израильтян, выведенных из Палестины и поселенных в Мидии еще ассирийскими и вавилонскими царями. Таким образом, их предки принадлежат еще ко временам 1-го храма... как об этом заявляют и сами горские евреи, в какой бы аул или город вы ни приехали, говоря, что это предание перешло к ним от их дедов и отцов. Еще в Персии евреи смешались с иранским племенем татов, причем одни приняли господствующую языческую религию последних, другие — распространяли религию Моисея между иранцами, — вследствие чего, во-первых, теперешний язык евреев принадлежит к группе иранских языков... а во-вторых, в религии горских евреев остались и до сих пор некоторые языческие верования. Затем в средние века, по преданиям же, таты-евреи смешались с хазарами, жившими на западном берегу Каспийского моря, так что хазарских царей этих времен они считают в то же время и своими. И наконец по вторжении арабов на Кавказ множество татов-евреев целыми аулами приняли магометанство, а остальные остались верны религии Моисея и получили наименование «Даг-Чуфут», т. е. горские евреи. Многие местности Табасаранского и Кюринского округов Дагестанской области, а затем Кубинского уезда Бакинской губ., где преимущественно живут горцы-евреи, населены и теперь татами-магометанами, которые имеют сходный тип с горскими евреями и говорят одним языком с ними. ...Многие аулы сами говорят о своей недавней принадлежности иудейской религии... Жители этих аулов до сих пор дают детям своим имена свших отцов и матерей, взятые из Ветхого завета и носимые горскими евреями»⁸⁴.

По мнению Анисимова, ряд местных топонимов (в Дагестанской и Терской областях, а также Бакинской губернии) свидетельствуют о том, что количество еврейских поселений на территории вышеназванных регионов было гораз-

до более многочисленным, но затем значительно уменьшилось вследствие протекавших здесь многовековых этнических процессов.

Большой интерес представляют статистические данные, собранные автором. Так, по его сведениям, горские евреи проживают в 36 аулах и городах Дагестанской, Терской и Кубанской областей, Бакинской и Елизаветпольской губерний; общая численность их составляла 21 тыс. человек (из них мужчин — 10892, женщин — 10237); количество семей — 4090 (из них в городах проживало 1503 семьи, а в аулах — 2587)⁸⁵.

Анисимов обращает особое внимание на обычай куначества, имевшего в условиях традиционного патриархального горского быта огромное значение, подчеркивая, что горские евреи жили в дружбе и согласии с окружающими их кавказскими народами. Он пишет: «Нередко горский еврей вступает с мусульманином в дружбу и, горячо поцеловавшись с ним, делается на всю жизнь его «курдашем». При этом они обмениваются оружием и дают друг другу «священный обет» не пожать и головы в случае надобности для спасения друга»⁸⁶.

Говоря о занятиях горских евреев, Анисимов указывает, что мнение о том, что горские евреи занимаются исключительно торговлей, ошибочно. По его подсчетам, торговлей занимаются 14,05% от общего количества семей; 115 семей держали мануфактурные лавки, из них в городах — 99 семей, в аулах — 16; бакалейные лавки держали 212 семей, из них в городах — 73, в аулах — 139; разносной торговлей занималось 262 семей, в городах — 45 семей, а в аулах — 127.

«Бывая большею частью в городах, — пишет автор, — видя по дорогам большое количество евреев разносчиков и не углубляясь в самую жизнь горских евреев, путешественники выводили заключение, что они занимаются преимущественно торговлей. Однако нетрудно заметить, что главные занятия горских евреев заключаются: а) в обработке земли, в возделывании полей, на которых сеют пшеницу, ячмень, маис, рис, в разведении виноградных и фруктовых садов, в культивировании марены и овощных растений; б) по обрабатываемому производству: в выделке сафьяна, кож из сырых шкур, которые получают они или от своих домашних животных, или у туземцев за деньги, или у своих домашних животных, или у туземцев за деньги, или у своих братьев, владеющих стадом коров, баранов, коз, лошадей, и, наконец;

в шелководстве и в приготовлении сыра, масла из буйволиного и овечьего молока»⁸⁷.

При описании занятий горских евреев Анисимов приводит многочисленные цифровые данные: о размерах земли, обрабатываемой горско-еврейскими семьями (на одно семейство приходилось 0,89 дес. годной и негодной земли), количество домашнего рогатого скота, распространении охотничества среди горских евреев, а также садоводства, мареноводства, кожевенничества, шелководства и т. д.

Весьма любопытные сведения приводит автор, говоря о пережитках язычества в религиозных воззрениях горских евреев. По его словам, «они хотя и уверены в существовании единого Бога, но предполагают, что кроме Него есть и другие необыкновенные существа, божественного происхождения, которые пользуются покровительством Бога во всех своих предприятиях и имеют обширную власть над природой и человеком. Некоторые из этих божеств видимы и являются человеку в образе какого-либо животного, чтобы наказать его за тот или другой проступок, или наградить за доброе дело. ...Правда, в последнее время горские евреи, знакомясь с европейскими или русскими евреями, у которых вполне установлены законы Моисея, начинают постепенно очищать свою веру от прежних языческих верований и забывают своих второстепенных богов, но к таким пуристам относятся только городские евреи, или те, которые имеют раввина, получившего иудейское образование между русскими евреями или у какого-либо своего святого рабби. Но жители аулов, которые продолжают жить в первобытном состоянии, чтут этих духов и теперь, и справляют в известные дни и времена года различные церемонии»⁸⁸.

На основании собранного обширного полевого этнографического материала, Анисимов довольно подробно описывает представления горских евреев о почитаемых ими божествах (многие из которых, по мнению автора, имеют прямые аналогии с персонажами славянской мифологии — домовыми, водяными, русалками и т. д.), рассказывает о народных праздниках, справляемых в их честь, различных повериях, связанных с ними; немалый интерес представляет также описание традиционных религиозных еврейских праздников.

Говоря о распространении грамотности среди горских евреев, автор указывает, что общая численность грамотных среди них составляет 1324 чел. (в т. ч. в аулах — 557 чел.,

в городах — 767 чел.); процент грамотных довольно невелик (6,26⁰., т. е. на 16 человек — 1 грамотный). Училища горских евреев делятся, по свидетельству автора, на два разряда — высшие и низшие (и те и другие содержались исключительно на средства раввинов). Помещением для училищ служили отдельные комнаты либо в домах раввинов, либо в синагогах.

Давая характеристику антропологическому типу горских евреев, Анисимов замечает, что «черты семитского типа в них значительно видоизменены путем смешения» с горскими народами Кавказа, причем, по его мнению, в «красоте мужчины много уступают женщинам...»⁸⁹

Подробно классифицирует автор основные элементы жилища горских евреев (планировка, конструктивная система, строительный материал, жилые и хозяйственные помещения). По его словам, жилище делилось на две половины: женскую и мужскую; одна комната предназначалась специально для приема гостей (кунацкая). Так же подробно характеризуются автором элементы интерьера (мебель, утварь, посуда и т. д.).

Национальная одежда горских евреев, по свидетельству Анисимова, ничем не отличается от традиционного кавказского костюма (как у мужчин, так и у женщин).

Весьма ценным представляется следующее замечание автора: «Домашний быт горских евреев основан на аятах (обычаях), перешедших к ним от предков и на некоторых обычаях, усвоенных евреями от других племен Кавказа. Помогать ближнему в случае нужды, если не материально — деньгами, то работою рук своих, считается священным долгом у евреев горцев. Таким обязанностей очень много между горцами, но особенно заслуживают внимания различные собрания, которые ставят своей задачею помогать бедным и неуспевающим в работе, помогать деньгами сиротам, ухаживать за больными и пр.»⁹⁰.

Отдельная глава монографии посвящена брачно-свадебной обрядности горских евреев. «Женитьба сопряжена для еврея-горца, — подчеркивает автор, — с большими трудностями и многолетними стараниями о скоплении некоторой суммы, для того чтобы купить себе невесту. Обычай требует, чтобы еврей-горец, вздумавший жениться, заплатил родителям невесты деньги, которые называются «калым». Калым редко доходит до суммы менее 150 р. сер., а если к этому прибавить, что свадьба продолжается обыкновенно около

четырех суток, справляется также за счет жениха и что подвенечные одежды, по обычаю горцев богато обшитые серебряными и золотыми галунами, должна быть сделаны им же, то в итоге выходит, что горец, чтобы жениться, должен иметь минимум 300, 400 руб. сер.— сумму, по их средствам, совсем немалую, почему у евреев-горцев старые холостяки далеко не редкое явление. Но так или иначе еврей-горец, считающийся порядочным человеком, должен жениться и следовательно стараться скопить денег; иначе на него смотрят всюду, как на неблагородного горца, не достойного носить папаху (шапку) и кинжал»⁹¹.

Положение горско-еврейской женщины, указывает Анисимов, было таким же, как и у остальных горских народов Кавказа. «Обычай всех горцев требует,— замечает по этому поводу автор,— чтобы молодые люди — парни и девушки — не видали друг друга, и девушке показываться мужчинам или назначать им свидания воспрещается безусловно и строжайше. Поэтому девушки до замужества ведут почти замкнутую жизнь и никуда не показываются, исключая тех случаев, когда они посещают друг друга, присутствуют на свадьбах. ...Вследствие этого девушки горских евреев отличаются теми же свойствами, как и все женщины Востока: они стыдливы, робки и крайне невежественны, но вместе с тем строго целомудренны и трудолюбивы. Жизнь замужних женщин не на много лучше жизни девушек»⁹².

Основной формой брака у горских евреев, указывает автор, был брак по сговору; менее распространенной формой — брак путем похищения (как правило, это было символическое похищение). «Надо заметить,— пишет автор,— что обычай «воровать девушку», существующий у евреев-горцев, наравне со всеми племенами Кавказа, не всегда кончается... трагическими сценами, а большею частью мирно. Если молодой человек, укравший невесту, успел до погони родственников, или пока они не отняли ее у него, фактически стать ее мужем, то она делается его женою. А это, конечно, возможно только с согласия девушки, которая бежит с ним по желанию и вопреки воли родителей; иначе нелепо, чтобы она делалась его женою, так как девушка героически защищается против похитителя (а на это способны горские девушки!), пока не подоспеет к ней помощь от родных. Таких случаев очень много, особенно в аулах»⁹³.

Этнически смешанные браки, по свидетельству Анисимова, были большой редкостью среди горских евреев. А в отличие

от ашкеназов, у горских евреев широко было распространено многоженство. По замечанию автора, часто причиной двоеженства была бездетность. «Многоженство,— указывает он,— не воспрещается горцам-евреям религией, поэтому часто можно встретить и раввинов, имеющих двух жен. Число жен не ограничено адатом, но редко встречаешь таких, которые имели бы трех жен. Женатых на двух, бывает в каждом ауле или городе около пяти, шести и приблизительно человек десять на сто дымов. Жены живут или вместе, имея по особому помещению, или порознь в особых саклях, и муж посещает их поочередно»⁹⁴.

Брачный возраст автором не определен, но он указывает, что «горские девушки выходят очень рано замуж, так что 15-ти лет они по большей части имеют уже и ребенка»⁹⁵.

По Анисимову, традиционный свадебный цикл у горских евреев состоит из следующих этапов: предварительного (переговоры о вступлении в брак и его условиях — сговор, обручение, сватовство), собственно свадьбы, а также обрядов послесвадебного цикла. Зачастую детей сватали в младенческом возрасте; строго придерживались обычаев левирата и сорората.

Бракосочетание начиналось с приходом в дом родителей невесты родственников жениха в качестве сватов. Если родители невесты давали согласие на брак, то встречались отцы семейств и договаривались о размерах калыма; назначался день обручения. В этот день в доме родителей жениха собирались гости, приглашался раввин, который составлял и записывал «тоной» (условия обручения). Жених в этот вечер уходил из дому и ночевал у одного из своих близких друзей (согласно адату, ему совестно было находиться там, где ежеминутно произносят имя его невесты). Невеста же, укутанная платком, стояла весь вечер, отвернувшись к стене. После торжественного ужина гости расходились, оставались только близкие родственники — в том числе жениха — для обряда открытия лица невесты. Через некоторое время после обручения игралась свадьба, причем временной промежуток между ними мог быть различным: от нескольких недель до нескольких лет.

Обряд венчания, по его словам, происходит следующим образом: «На дворе синагоги стоит балдахин, под которым должны венчаться новобрачные. Балдахин состоит из куска шелковой материи, натянутой на четыре жерди. Жерди эти держатся четырьмя родственниками невесты и жениха.

Во время венчания раввин читает молитвы, а жених со своим нареченным братом и невеста с посажёной матерью стоят поникши головами под балдахинном и слушают раввина. ...Потом раввин берет полный стакан вина, произносит молитву и передает его жениху. Последний, так же как и невеста, постится с восьми часов вечера предыдущего дня и только теперь впервые отпивает немного вина и подает его невесте. Невеста, сделав то же, подает его раввину. Затем жених одевает невесте на палец кольцо или кладт ей в руку серебряную монету и повторяет за раввином слова священного Писания. После этого раввин читает вслух брачное условие «кэтибо», в котором упоминается, какое приданое приносит с собой невеста и сколько, в случае развода, жених обязывается уплатить ей наличными деньгами. После чтения раввин снова наполняет стакан вином, опять читает над ним молитву, но на этот раз подает его не жениху, а невесте. Та отдаст его жениху, а последний, отпив немного, со всей силы разбивает стакан о камень, с этой целью лежащий здесь же под балдахинном. Наконец балдахин снимается, и раздается дружное «ура» присутствующих»⁹⁶.

По Анисимову, родильная обрядность горских евреев была в более архаичной форме, чем у некоторых других кавказских народов. Рождение ребенка у горских евреев сопровождается различными обрядами и действиями магического характера, помогавшими роженице разрешиться от бремени. Когда женщина чувствовала приближение родов, в дом приглашали профессиональную повитуху («момой»). Рожала горская еврейка или стоя, или сидя на коленях, а иногда лежа на земле. Если роды были трудными, то одну из женщин посылали на кладбище, чтобы она принесла горсть земли с могилы покойника (какого именно, указывала повитуха). Эту землю смешивали с водой и давали роженице. Если же и это средство не помогало, то муж роженицы приглашал синагогальных служек, которые читали молитвы и просили Бога помочь страдающей.

Трудные роды горские евреи объясняли вмешательством «нечистых сил»; для защиты от них применяли различные обереги. Так, когда женщина чувствовала приближение родов, одна из ее родственниц вешала на дверь комнаты, где лежала роженица, кусок белой материи; считалось, что «нечистые силы» боятся белого цвета.

Если рождался мальчик, повитуха спешила поздравить отца ребенка, и тот щедро одаривал ее; на восьмой день со-

вершался обряд обрезания. «Операцию обрезания,—пишет автор,—делает раввин или резник и почти всегда очень искусно. Рану обмывают ртом, набирая в него уксусу, и посыпают обожженною шерстью и порошком из особой обожженной глины. Через три-четыре дня рана заживает, и ребенок делается здоровым»⁹⁷.

Обряд обрезания совершался, как правило, в синагоге: новорожденного держал на подушке (лежавшего у него на руках) «отец по обрезанию» (т. е. крестный); раввин производил операцию обрезания, а настоящий отец читал в это время молитву. После свершения обряда здесь же, в синагоге, устраивался торжественный обед.

После родов женщина «лежит в постели...обыкновенно дней девять-десять и не больше двух недель. После рождения мальчика она идет на омовение через 40 дней, а после девочки через 60»⁹⁸.

Именник горских евреев, указывают Анисимов, соответствовал традиционному архаическому именному фонду всех еврейских этнографических групп (древнееврейские имена; имена, связанные с предметами и явлениями окружающей среды; имена, представляющие собой характеристику личных качеств человека и т. д.); строго придерживались горские евреи обычая (не регламентированного, однако, религиозными предписаниями) почитания памяти умершего предка путем передачи его имени потомку.

Довольно интересные сведения приводит автор о народной лечебной системе горских евреев. Причиной большинства болезней, по мнению горских евреев, являлись злые духи, о чем свидетельствовали и названия большинства из них, например: сумасшествие («схваченный дьяволом»), ревматизм («дух дьявола»), сердечные болезни («хватание за сердце и сжимание его дьяволом») и т. д. Знахари лечили больных путем применения различных лекарственных трав. «Кроме трав для лечения,—пишет автор,—употребляются ими еще различные масла, соли и мясо животных, как напр. летучих мышей, ежа, крыс, кровь черных или белых птиц с молоком и пр. Раны же лечат большею частью печенью, курдючным салом и тестом, которое смешивается с сахаром или медом. Самое же главное, без чего не обходится никакой опасный больной есть «нейкель» (талисман), который имеет вид разностороннего треугольника из сукна или кожи, украшенного галунами. Он пришивается или под мышкой, или на спине на верхнем платье, а иногда висит на шее на шнулке. Этот

талисман заключает в себе, смотря по роду болезни, разные травы и камни, которые обматываются несколько раз шелковыми или шерстяными нитками, имеющими также различное значение; над ним нашептывают и производят различные реакции над парами воды, спирта и пр.»⁹⁹.

Анисимов подробно описывает весьма сомнительные способы лечения, применявшиеся различного рода «лекарями» и так называемыми «цирюльниками» (которых он прямо называет шарлатанами и проодимцами), и указывает, что истинными причинами большинства болезней служили скученность жилищ, антисанитарные условия и т. д.

Подробно характеризуя похоронный цикл горских евреев (обряд оплакивания, обмывания покойника, обряд погребения, соблюдение траурной недели — «овиль», установление надмогильных памятников и т. д.), автор передает также некоторые представления горских евреев о потустороннем мире, бессмертии души и т. д. В случае насильственной смерти родственники убитого строго придерживались обычая кровной мести. «Каждая капля крови,—отмечает автор,— по мнению еврея-горца, должна быть отомщена, и покойник до тех пор не успокоится, кровь его не перестанет кипеть, и он не будет принят к престолу Всевышнего, пока не будет взята кровь за кровь. Долг мести переходит от одного близкого родственника к другому, и мстить могут родственники убитого не только убийце, но и всякому, попавшемуся им на пути из его родственников. В последнее время, однако, благодаря увеличению полицейского надзора в селах и гордах, убийцы находят защиту и избегают мести, заплатив за кровь убитого назначенную «адатом» (обычным правом) сумму»¹⁰⁰.

Монография «Кавказские еврей-горцы» получила широкую известность; вскоре после выхода она была удостоена положительных рецензий в таких журналах, как «Русская мысль», «Восход», «Журнал Министерства народного просвещения»¹⁰¹. Все авторы, писавшие статьи и очерки обзорного характера о горских евреях (в конце XIX — начале XX в.) как на русском, так и на иностранных языках (В. Ф. Миллер, Е. Козубовский, А. Дирр, П. Надеждин, С. Авалиани, А. Катц, К. Ган, Я. Янко и др.), пользовались сведениями, почерпнутыми из монографии И. Ш. Анисимова. Высокую оценку получило его исследование и в современной отечественной историографии. Так, известный дагестанский ученый Г. Ш. Каймаразов писал: «Большую науч-

ную ценность представляют работы И. Ш. Анисимова, посвященные этнографии горских евреев», и отмечал, что «Кавказские евреи-горцы» — одно из наиболее серьезных монографических исследований по этнографии этого народа, выполненных в дореволюционный период»¹⁰².

К этому можно добавить только, что «Кавказские евреи-горцы» остаются до настоящего времени единственным монографическим исследованием, посвященным этнографии горских евреев.

В 1891 г. Илья с успехом закончил инженерно-механическое отделение Императорского Технического Училища; педагогический совет училища в выданном Анисимову аттестате (от 28 августа 1891 г.) отмечал, что он прошел полный курс обучения «при отличном поведении и очень хороших успехах в науках», и удостоил его звания инженера-механика¹⁰³. Ему удалось устроиться на службу в Москве, но вскоре он уехал в Темир-хан-Шуру, и здесь ему довелось в полной мере испытать на себе последствия дискриминационных законов, принятых царским правительством в отношении еврейского населения Российской империи. В одном из своих писем к В. Ф. Миллеру он сообщал о всех выпавших на его долю злоключениях (он долгое время не мог устроиться на работу). Он, в частности, писал: «Оказывается, что я до сих пор вовсе не жил и не понимал жизни. Мелочная борьба за существование и за то, чтобы стать как следует на ноги и приобрести некоторое положение, отняла у меня столько времени, погрузила меня в такую яму, далекую от всего, что в мире делается, что насилу прихожу в себя, как после глубокого сна, и берусь за эти строки. Начну с того, что я горько ошибся в вынянчившей, выходявшей и воспитавшей меня нашей общей матушке. Оказывается, напрасно я лелеял себя мыслью, что наша матушка не будет поступать со мной так же, как мелведица со своими детенышами! На деле же все то, что Вы говорили относительно моей будущности — также вполне оправдалось: меня выкормили, вырастили, вывели на дорогу широкую и большую и... показали «все 4 стороны». Чего-чего, но этого я все-таки не ожидал и, заметьте, не помогла даже и протекция высокопоставленных лиц, руководящих моим воспитанием. А как горячо я добивался этой «казенной дружбы», чтобы стать наглядным примером заботливости правительства о моих далеких братьях!.. Все ходатайства мои и хлопоты в течение почти полгода оказались напрасными и, как ясно теперь вижу, меня не приютит

ли потому только, что я вышел из лагеря противников христианства. Как Вам известно, я, по призыву Военного губернатора Дагестанской области, бросил службу на новом Московском водопроводе и отправился в Т.-Х.-Шуру. Там ждали прибытия г. главноначальствующего, и канцелярия Военного губернатора подтвердила о желании его сиятельства дать мне место в строительном отделении. Пока приехал и уехал г. главноначальствующий, прошел весь сентябрь и половина октября. Наконец, иду к его сиятельству и мне говорят, что его высокопревосходительство «выразил желание» не принимать больше в число служащих Дагестанской области «туземцев» этого края...» (письмо датированно 18 ноября 1892 г.)¹⁰⁴.

В конце концов Анисимову удалось получить должность промыслового техника в Балаханах (Бакинской губ.), в одном из отделений Каспийско-Черноморского нефтепромышленного общества барона Ротшильда. В 1904 г. он переехал в Грозный, где продолжал работать по специальности инженера-нефтяника.

В январе 1905 г. Илья Шеребетович обратился к В. Ф. Миллеру, как «к горячо любимому учителю», с просьбой помочь осуществить «одно... заветное желание, о котором давно думаю, но до сих пор, будучи занят все время заботой о семье, не мог за него взяться. Книгу я думаю издать вновь в значительно распространенном виде, пользуясь для этого всем тем, что имеется в литературе о горских евреях, в том числе, конечно, и Вашими ценными данными, если Вы мне позволите, а затем, поместив в нее множество фотолитографич. иллюстраций из быта горских евреев и новейшие о них статист. данные»¹⁰⁵. По всей видимости, В. Ф. Миллер дал положительный ответ на это письмо, и Анисимов стал активно работать над новым вариантом своей монографии «Кавказские евреи-горцы», но довести эту работу до конца ему, к сожалению, не довелось (в 1908 г. в пятом номере журнала «Гашилоах», издававшегося в Берлине на древнееврейском языке, была опубликована статья Анисимова «Горские евреи», бывшей, по всей видимости, частью вступительного очерка к новому варианту монографии¹⁰⁶).

И. Ш. Анисимов долгое время возглавлял комитет горских евреев г. Грозного, который вел большую культурно-просветительскую работу среди грозненских евреев: благодаря стараниям Ильи Шеребетовича была открыта горско-

еврейско-русская школа в Грозном; он активно способствовал открытию такой же школы в Дербенте (вложив в строительство немалые денежные суммы из своих личных сбережений)¹⁰⁷. По предложению Анисимова в мае 1917 г. в Хасавюрте состоялось организованное совещание по подготовке Всекавказского съезда горских евреев (Анисимов был избран председателем совещательного собрания делегатов).

Умер И. Ш. Анисимов в 1928 г. в Москве¹⁰⁸.

Многолетняя работа в библиотеках и архивах позволила нам буквально по крупицам собрать определенный фактический материал, на основе которого и написан данный очерк, являющийся, по существу, первой попыткой составления научной биографии Ильи Шеребетовича Анисимова. Творческое наследие, общественная деятельность и биография первого горско-еврейского этнографа должны стать, вне всякого сомнения, предметом глубокого и всестороннего изучения будущих исследователей истории и этнографии горских евреев.

Конец XIX — начало XX в.

Для этого периода характерен выход многочисленных справочных и энциклопедических изданий, в которых давались краткие (в подавляющем большинстве случаев) историко-этнографические сведения о горских евреях; за редким исключением, все публиковавшиеся статьи и очерки представляли из себя очевидную компиляцию (особенно интенсивно «авторы» использовали работы И. Я. Черного, В. Ф. Миллера, И. Ш. Анисимова, А. Т. Васильева). Высочайше утвержденный закон от 18 июня 1892 г. «О водворении и временном пребывании евреев в областях Кубанской и Терской» вызвал резкий рост публикаций, освещавших правовое положение северокавказских горских евреев; ряд этих статей не лишен и некоторого этнографического интереса. Любопытные сведения этнографического характера содержат появившиеся в этот период работы по антропологии горских евреев.

В 1890 г. врач Кавказского окружного военно-медицинского управления И. И. Пантюхов опубликовал небольшую брошюру под названием «Парши у семитов Кавказа», имеющую определенный этнографический интерес. Автор приводит данные о хозяйстве горских евреев, их занятиях (он указы-

вает, что они занимаются мелочной торговлей, различными ремеслами, земледелием), отмечает своеобразие религиозных обрядов горских евреев (как можно понять из некоторых его слов, он имеет в виду элементы язычества); подчеркивая, что азербайджанские горские евреи говорят на персидском (т. е. татском) языке, он ошибочно, как и большинство бытописателей, полагает, что дагестанские евреи говорят лишь на местных горских языках (правильнее говорить о билингвизме горских евреев). Говоря о времени прибытия и поселения горских евреев на Кавказе, автор пишет: «горские евреи только смутно рассказывают, что их предки переселились в горы из Персии, при каком-то персидском царе»¹⁰⁹.

В 1896 г. И. И. Пантюхов в статье «О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе», опубликованной в «Медицинском сборнике», дает фрагментарные сведения о жилищах горских евреев аула Тарки (он измерил в общей сложности восемь жилищ горских евреев)¹¹⁰. А в 1901 г. в газете «Кавказ» им была напечатана статья «Судьбы кавказских евреев»¹¹¹. Опираясь на античные библейские, армянские и грузинские источники, Пантюхов излагает свою точку зрения на проблему происхождения горских евреев (не добавляя, впрочем, ничего нового к уже известным фактам). Автор особо указывает на этнокультурную близость горских евреев и окружающих горских народов Кавказа, рассказывает о некоторых занятиях горских евреев. Любопытно его сообщение (основанное как на собственных наблюдениях, так и на сведениях, известных в антропологической литературе) о некоторых этнографических группах, которые, по словам автора, «по типу и остаткам некоторых обычаев и слов... — несомненные евреи» (автор имеет в виду этнографические группы ряда автохтонных кавказских этносов).

В 1890 г. в журнале «Этнографическое обозрение» была напечатана известная статья Л. В. Малинина «О свадебных платежах и о приданом у кавказских горцев», в которых автор приводит некоторые сведения о предсвадебном и свадебном цикле у горских евреев¹¹² (все фактические данные позаимствованы автором из работ И. Я. Черного).

В 1891 г. в Туле вышло первое издание научно-популярной монографии П. П. Надеждина, работавшего в 1860—70-х гг. преподавателем русского языка и словесности в тифлисской гимназии, «Опыт географии Кавказского края» (2-е и 3-е издания опубликованы соответственно в 1895 и 1901 гг.); один

из очерков, напечатанных в монографии, посвящен горским евреям. Автор довольно подробно излагает проблемы этногенеза и этнической истории горских евреев (на основании известных литературных источников), описывает различные компоненты культуры жизнеобеспечения, материальной и духовной культуры (хозяйство, основные занятия, жилища, одежда, пища и т. д.), характеризует процессы этнической ассимиляции, в течение многих веков проходившие среди горских евреев и т. д.¹¹³ (укажем, что автор широко использовал при написании данного очерка работы И. Я. Черного и, строго говоря, не добавляет ничего нового к уже известным фактам).

Некто П. Т. в статье «Туземные евреи», опубликованной в «Терских ведомостях» в декабре 1894 г., подчеркивая этнокультурную близость горских евреев и окружающих их горских народов Кавказа, пишет: «Поселившиеся издревле на Кавказе евреи, известные под именем горских или туземных, отличаются по многим отношениям от еврейского населения Европейской России. Это кавказские евреи, живя в течение нескольких веков общею с разными местными племенами жизнью совершенно слились с ними, и ничем, кроме религии, от них не отличаются. Явление это следует приписать, по нашему мнению, преимущественно, двум обстоятельствам, во 1-х, тому что, живя в разных местах Кавказа, большею частью небольшими группами, они поддались благотворному влиянию окружающей их среды, не менее способной, трудолюбивой, подвижной и трезвой, и во 2-х, главным образом тому, что кавказские евреи всегда пользовались всеми правами, какими пользовались и те народности, в среде которых им приходилось жить...»¹¹⁴.

Одной из самых заметных публикаций конца XIX — начала XX в., посвященных горским евреям, стала статья смотрителя варташенского училища М. Бежанова «Евреи в с. Варташен», опубликованная в восемнадцатом выпуске «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа», вышедшем в 1894 г.¹¹⁵ (интересно, что двумя годами ранее в «Сборнике...» — в 14 выпуске — была напечатана статья Бежанова «Краткие сведения о с. Варташен и его жителях», где давались краткие сведения этнографического характера о варташенских горских евреях¹¹⁶).

По словам автора, горские евреи поселились в Варташене в конце XVIII в., где они образовали особый еврейский квартал — Джегутляр. Основными занятиями варташенских

горских евреев являлись табаководство и торговля. Одним из самых почитаемых и священных обычаев у них был обычай взаимопомощи. В соответствии с традиционными нормами местного обычного права вся полнота власти в семье принадлежала главе семьи. Без его ведома никто, даже женатые сыновья, не могли ничего предпринять и осуществить.

Как и многие бытописатели, имевшие возможность лично общаться с местным населением и наблюдать их традиционный быт, Бежанов сообщает различные сведения, дающие достаточно интересные представления об этнопсихологии горских евреев.

Любопытно описание автором некоторых компонентов материальной культуры (жилище, одежда) варташенских горских евреев. Скученность поселения, столь характерная для дагестанских евреев, была типична и для варташенских; это обстоятельство, как уже отмечалось, приводило к многочисленным болезням. Строительным материалом для жилищ служили гажевой кирпич, иногда камень. Стены дома как внутри, так и снаружи обмазывались глиной; каменные постройки белились известью, а деревянные красились масляной краской. Крыши покрывались черепицей (автор указывает, что ранее для этих целей использовали смолу, но случившийся пожар уничтожил практически все дома в квартале). Жилище евреев еженедельно белилось; делалось это в четверг, чтобы к субботе, священному для каждого еврея дню, жилище обновлялось. Перед домом было помещение для скота и лошадей. Жилища были в основном одноэтажные трехкомнатные; встречались, однако, и одно- двухкомнатные. В одной из жилых комнат хранились продукты, посуда для пищи ставилась на специальные полочки. К переднему фасаду пристраивался балкон. Стены имели ниши, скрытые занавесками; зажиточные еврей-торговцы хранили в них товар, табаководы — махорку, здесь же находился сундук с приданым для дочери, кувшин с молоком и т. д. Посреди жилой комнаты устраивали открытый очаг (в вырытую яму клали горящие угли), над которым ставили особое обогревательное устройство, называемое «кюрси» (квадратный табурет, покрывавшийся коврами). Окна были без стекол, состояли из решеток со ставнями. Земляной пол застилали коврами.

Мужской костюм (верхнее платье) состоял из архалуха, чухи, шальвар; чуху шили из сукна, архалух из ластика, его подпоясывали серебряным кушаком или ситцевым поясом;

на голове носили ермолку, а поверх ее высокую конусообразную папаху. Обувь была такой же, как и у многих варташенцев — лапти, коши, чусты. Зимой надевали шубу или тулуп. Одежда горских евреек включала верхнее платье до колен (шелковое или ситцевое), украшенное серебряными пуговицами на рукавах и широким серебряным поясом, короткую рубашку до пояса, широкие шалвары. Голову повязывали шелковым платком. Обувью служили коши; по свидетельству автора, многие женщины ходили босиком. Девушки носили на груди бусы, красили руки хиной; весьма распространенным женским украшением являлись серебряные и золотые кольца (на пальцах рук).

Много места уделено автором описанию одной из сторон общественного быта горских евреев — религиозным праздникам. По его сведениям, особо почитаемыми праздниками были пасха, кипур, пурим, встреча нового года и т. д. Наиболее полно и интересно Бежанов описывает празднование пасхи. В течение восьми дней евреи ели «гогол» — пресный хлеб, который, по словам автора, «приготавливается так: пшеницу покупают на гумне, которого дождь не мочил, и хранят ее в совершенно новом глиняном кувшине. За тридцать дней до Пасхи каждое зерно выбирают особо, чтобы оно не имело дырочек и других повреждений, и чтобы оно не было подмочено водою. Мельница, где должны молоть эту пшеницу, тщательно очищают, ремонтируют, ни одной пылинки старой муки не оставляют; все щели в мельнице замазывают; жернова очищают измельченными в порошок кусками глиняной посуды. После очистки приходит раввин, осматривает, хорошо ли все сделано и разрешает молоть. Пшеницу на мельницу и обратно муку нужно нести так, чтобы солнце не согрело ее, а то может произойти окисление. На другой день пекут черный хлеб. За несколько дней лудят медные посуды, обновляют глиняную посуду. Луженую посуду до употребления «очищают» следующим образом: большой луженый котел наполняют водою до самого края, замазывают края котла глиною в один вершок толщиной и ставят на огонь; когда вода прокипит как следует, ее выливают, котел снова наполняют и кипятят; когда вода закипит, тогда ополаскивают в ней все маленькие луженые чашки, блюда, котлы, а затем моют их в холодной воде, и после этого посуда считается очищенной, годною для пасхи. Для печения пресного хлеба... собирается 15—20 человек мужчин (женщины не могут печь); тесто месят, смачивая вчерашнею водою»¹¹⁷. «Го-

гол» пекли в новой печке, в которой нельзя было печь обыкновенный хлеб. Накануне пасхи все мужчины отправлялись в синагогу на богослужение; по возвращении домой собирались семьями на праздничный ужин. В пасхальные дни запрещалось употреблять в пищу сухую рыбу и сладости.

По свидетельству автора, у варташенских горских евреев браки часто заключались по взаимному соглашению самих молодых. «Если девочка маленькая, то на предложение родителей жениха отвечает отец девочки. Если девушка взрослая, то спрашивают ее согласия, не принуждают, и она сама берет обручальное кольцо», — подчеркивает автор, и продолжает: «Еврейские девушки не закрываются и не скрываются, а потому и юноши сами могут выбирать себе невест»¹¹⁸. Впрочем, указывает далее Бежанов, в подавляющем большинстве случаев будущих супругов обручали еще в младенческом возрасте.

После того, как выбор невесты был сделан, родители юноши посылали к родителям девушки сваху. Если согласие было достигнуто, то отец жениха с родственниками направлялся в дом невесты, где с ее родителями обговаривал размер калыма, условия обучения и т. д. «Во время обручения, — пишет автор, — дают кольцо, деньги и серебряные вещи. Раввин совершает обряд обручения, читает молитву и спрашивает родителей, по любви ли и согласию происходит обручение; затем все присутствующие поздравляют молодых. Повеселившись, гости расходятся; после этого угощают жениха и его товарищей. ...После обручения невеста скрывается от жениха, его товарищей и родственников»¹¹⁹.

По свидетельству Бежанова свадьбы игрались зимою; первым днем свадьбы всегда было воскресенье, а последним — пятница следующей недели. Материал для свадебного платья невесте покупал сам жених; кройка и шитье платья совершались также в доме жениха (при кройке платья жених устраивал угощение и приглашал родственников своих и невесты). «В субботу, накануне свадьбы, все родственницы жениха приносят невесте уже готовое венчальное платье; вместе с этим несут от жениха мясо, вино и другие вещи; родственницы приносят фрукты; родители невесты в ожидании их, готовят пищу и затем хорошо угощают их; невесту одевают в новое венчальное платье», — пишет автор, и продолжает: «Одевшись в новое платье, она идет к своим подругам (их бывает 10—15); ходят ко всем родственникам с бубном и пением. Эти подруги в течение недели неотлучно

находятся у невесты, у нее должны они есть, пить и проводить время. Жених тоже собирает своих товарищей-друзей, называемых «братья жениха», они остаются у жениха до вечера субботы. В субботу вечером собираются гости у жениха и невесты; веселятся. Во время ужина у жениха выбирают несколько человек и отправляют в дом невесты для переговоров по поводу денег, так называемых «дорожных» и «целомудрия». ...По обычаю и смотря по состоянию, жених дает родителям невесты от 20 до 60 руб. дорожных денег; за целомудрие полагается 48 руб. Если невеста окажется потом нецеломудренною, то эти деньги возвращаются жениху, а жених имеет право выгнать ее из дома»¹²⁰.

Автор подробно описывает ряд обязательных обрядовых элементов свадебного торжества (купание как жениха, так и невесты, символизировавшие очищение перед свадьбой; обряд «наложения хны», обряд «бритья жениха», венчание, перевоз невесты в дом жениха и т. д.). Бежанов указывает, что среди горских евреев широко было распространено многоженство, а точнее, двоеженство; по его подсчетам, в Варташене почти тридцать мужчин были двоеженцами.

Ряд интересных и любопытных сведений сообщает автор о родильном и похоронном циклах варташенских горских евреев, о некоторых представлениях о потустороннем мире, бытовавших среди них, о народных и религиозно-магических способах лечения различных болезней и т. д.; он приводит также записанные им предания, сказки и легенды.

Некто — берг (судя по всему, ашкеназ) в опубликованной в газете «Кавказ (в сентябре 1895 г.) статье «Кавказские евреи. (Мурдахан и Аарон)»¹²¹ дает краткую, но любопытную, этнопсихологическую характеристику кавказских евреев; по его словам, «еврей на Кавказе совсем не то, что еврей в России или где-либо в другом государстве. Здесь выродился особый, совершенно своеобразный и довольно симпатичный тип, если и имеющий какое сходство с своим всемирным единоплеменником, то разве в пристрастии к коммерческим оборотам. ...Всякий человек, кто бы он ни был, к какой бы религии ни принадлежал, может рассчитывать на его помощь и сострадание... Трезвый, предприимчивый, изворотливый, он не падает духом ни под какими ударами судьбы».

В своих путевых заметках «По Дагестану», опубликованных в 1896 г., известный общественный деятель и писатель В. С. Кривенко на основании литературных материалов

(М. Хоренский, П. Услар, И. Анисимов) излагает уже знакомую нам гипотезу о прибытии евреев на Кавказ; указывает на этнокультурную близость горских евреев и окружающих дагестанских народов; по его словам, дербентские горские евреи (которых он имел возможность непосредственно наблюдать) «недурно справляются с полевыми работами и усердно ухаживают за виноградниками», занимаются сезонными работами¹²².

Некоторый этнографический интерес представляют сведения о нальчикских горских евреях, которые сообщает в своем интересном очерке «Слобода Нальчик», опубликованном в январе 1896 г. во владикавказской газете «Казбек», талантливый дагестанский публицист Б. К. Далгат (очерк подписан одним из его псевдонимов — Беркут)¹²³.

По свидетельству Е. Бирюлькина, автора небольшой заметки «Евреи в Кабарде», напечатанной в 1898 г. в газете «Терские ведомости», нальчикские горские евреи занимались в основном мелочной торговлей; несомненный интерес представляет психологическая характеристика, даваемая автором горским евреям. Для исследователя, занимающегося вопросами этноязыковых процессов межэтнических связей автохтонных народов Кавказа во второй половине XIX — начале XX в., весьма ценным представляется замечание автора о том, что горские евреи хорошо владели кабардинским языком¹²⁴.

Известный антрополог П. Ф. Свидерский в своей докторской диссертации «Материалы для антропологии Кавказа. Кумыки», изданной в 1898 г., приводит интересные этнографические данные о горских евреях, проживающих в аулах Янгикент и Маджалис¹²⁵ (основной темой его исследования было антропологическое изучение кумыков, но ему удалось обследовать также 14 горских евреев — десятирех жителей Маджалиса и четырех — Янгикента). Автор вкратце касается вопросов этногенеза и этнической истории горских евреев (основывая свои предположения как на литературных данных — к которым он относится недостаточно критически, так и на записанных от горских евреев преданиях и легендах). Ряд интересных и верных наблюдений сделал автор при описании материальной культуры янгикентских и маджалисских евреев (жилище, одежда, пища). Так, в ауле Маджалис ему удалось измерить комнату в одном из еврейских домов; по его данным, эта «комната в бедной еврейской сакле имеет 4,5 метр. длины, 3,5 метр. ширины и 1,9 метр. высоты; окон

нет; поверхность пола 15,7 кв. метр.; кубический объем 29,8 куб. метр.» Со двора в жилые комнаты вела каменная лестница, в пять—десять ступеней. «Стены комнаты,—пишет Свидерский,— чисто вымазаны и выбелены; через всю стену одной или двух сторон ее располагается несколько полок, на которых вдоль одной стены установлена посуда, чайники, тарелки, блюда, стаканы, кувшины и прок.; вдоль другой стены полки заняты тщательно сложенными постельными принадлежностями, перинами, подушками и одеялами. Иногда, вместо полок, в стенах устроены ниши, в которых становится посуда; у кумыков и евреев встречаются небольшие шкафы с дверцами, прилаженные в подобных стенных нишах: у них же, на полке или в нише, нередко можно увидеть самовар... Мебели в комнатах нет решительно никакой...»

Описывая национальный комплекс мужского горско-еврейского костюма, автор указывает, что он имел полную аналогию с традиционной одеждой кавказских народов, и обращает внимание на некоторые локальные особенности горско-еврейской одежды, связанные с местными условиями и этнокультурными контактами с окружающими народами (в частности, кумыками).

Весьма любопытно сообщение Свидерского об одном интересном обычае предсвадебного цикла горских евреев, получившем крайне скудное освещение в этнографической литературе — проживание малолетней невесты в доме жениха в течение одного-двух, а иногда и более лет; после того, как невеста достигала брачного возраста, устраивалась свадьба, и молодые становились фактическими мужем и женой. По словам автора, ему «приходилось видеть подобные пары; один из подобных женихов, мальчик 12 лет, с гордостью показывал мне свою формальную «жену», как он ее называл, девочку 10 лет; последняя уже год проживала вместе с будущим мужем, в доме родителей жениха. В таких браках невеста имеет возможность познакомиться с характером своего будущего мужа и с жизнью в его доме, а также принести в виде, хотя и небольшой, рабочей силы известную долю материальной пользы в свой будущий дом».

Известный грузинский историк и этнограф А. Хаханов в ноябре 1900 г. опубликовал в газете «Кавказ» пространную статью «Горские евреи», в которой он излагает некоторые вопросы этногенеза и этнической истории горских евреев¹²⁶, пользуясь при этом, как он сам указывает, недавно вышедшим «Очерком фонетики еврейско-татского на-

речия» проф. Б. Ф. Миллера (фактически статья представляет собой подробное изложение предисловия к вышеупомянутым «Очеркам»).

Сотрудник Кавказского статистического комитета барон Н. фон-дер-Ховен опубликовал в русско-еврейской газете «Будущность» (№ 52 от 30 декабря 1900 г.) любопытный очерк «Туземные евреи Кавказа»¹²⁷, содержащий обширный этнографический материал (многие сведения статистико-этнографического характера, как предупреждает автор, позаимствованы им из работ Черного и Анисимова); автору довелось непосредственно наблюдать горских евреев в Кубе и Дагестанской области. Основными занятиями горских евреев, по словам Ховена, являются земледелие, скотоводство, табаководство, кустарные промыслы; особенно подробно автор останавливается на вопросах поземельного устройства кубинских и дагестанских евреев; вообще, по утверждению автора, большинство горских евреев живет главным образом физическим трудом».

Несомненный этнографический интерес представляет очерк Г. Леви о кубинских горских евреях, напечатанный в русско-еврейском еженедельнике «Восход» в 1901 г.¹²⁸. Автор приводит интересные статистические данные о численности кубинцев, сообщает сведения об их материальной культуре (поселение, жилище, одежда); разговорный язык их, замечает он, «фарсидский», констатируя при этом двуязычие горских евреев; близость с горцами, по мнению Леви, заключается в заимствовании кубинцами традиционной кавказской одежды. По свидетельству автора, антропонимикон горских евреев включает библейские имена и отыменные отчества («фамилий у них не существует», пишет автор). Основными занятиями горских евреев являются земледелие и торговля; о степени дифференциации в среде горско-еврейского населения свидетельствует следующее замечание автора: «Занимающиеся торговлей довольно состоятельны, некоторые из них обладают десятками тысяч, но зато остальное население очень бедствует, так что любого горского еврея можно нанять на поденную работу за 20—30 копеек в день».

Касаясь вопросов брачно-свадебной обрядности горских евреев, Леви пишет: «Дочерей своих горские евреи выдают очень рано замуж, 13—14 лет, причем сплошь и рядом за 30—35-летнего мужчину, почему весьма нередки и разводы». Интересно указание автора на то, что горские евреи не придерживались «Херем де рабби Гершом» и среди них бы-

ло распространено многоженство (как известно, знаменитый талмудист средневековья Германии Гершом бен Иегуда еще в XI в. наложил запрет на многоженство).

Известный историк и библиограф Е. И. Козубовский в «Дагестанском сборнике» (первый выпуск которого вышел в 1902 г.), рассматривает этнический состав Дагестанской области, дает краткую этнографическую характеристику горским евреям (фактические данные позаимствованы им из работ Черного, Миллера, Анисимова)¹²⁹; небольшое сообщение о них мы находим во втором выпуске вышеупомянутого сборника¹³⁰.

В 1903 г. кубинский горско-еврейский поселок посетил корреспондент русско-еврейского еженедельника «Восход» И. Эйзенбет, опубликовавший впоследствии очерк «В гостях у горца-еврея»¹³¹. Большой интерес для этнографа представляют сообщаемые автором сведения о материальной (поселение, жилище, одежда) и духовной культуре, общественно-семейном быте горских евреев и т. д. Непосредственные наблюдения автора над повседневной жизнью кубинцев приводят его к грустным размышлениям; безработица, нищета, безземелье, многочисленные болезни, тяжелое материальное положение — все эти негативные явления, по свидетельству автора, получили широкое распространение среди кубинцев. «А между тем, — пишет Эйзенбет, — в этих оригинальных представителях еврейства, сохранивших через тысячелетия в наибольшей чистоте расовые особенности, скрыто немало потенциальной энергии, которая могла бы дать блестящие плоды.

В них, жителях юга, вскормленных на лоне природы, не успела еще раболопно согнуться спина, как у воспитанников нашего «гетто». В их мужественных лицах искрится самолюбие, готовность постоять за себя в случае нужды. Умственные их способности, по моим наблюдениям, развиваются быстро, практически сметка велика. Наблюдателя поражает также их любовь к искусству, пению, музыке и танцам, физическая ловкость и удаля. В этом отношении у них много данных для разностороннего развития».

В феврале 1903 г. на одном из заседаний историко-этнографической комиссии Общества для распространения просвещения между евреями в России известным историком Б. М. Городецким был прочитан доклад на тему «Горские евреи», содержащий целый ряд этнографических сведений (почерпнутых из литературных источников) о различных

сторонах жизни и быта горских евреев; наряду с несомненными достоинствами (описание соционормативной культуры и культуры жизнеобеспечения горских евреев), в докладе имелись также некоторые ошибочные суждения, свидетельствовавшие о недостаточном знании докладчиком излагаемого им предмета. При обсуждении доклада доктор Б. Бруцкус, известный исследователь еврейской истории, вкратце коснулся проблемы этногенеза кавказских евреев¹³².

Определенный этнографический интерес представляет статья С. Башинджагиана «Из поездок по Кубинскому уезду», напечатанная в одном из февральских номеров газеты «Казбек» за 1905 г.¹³³. «Кубинские или горские евреи,— пишет автор,— как их обыкновенно называют, еще с исторических времен заселяли эту местность и давно уже приспособились к местным условиям.

Так, по внешности, неопытный глаз не отличит их от здешних мусульман, но ближе ознакомившись с их обычаями, бытом семейной жизни и особым жаргоном легко угадать в них потомков Израиля».

В 1901 г. в «Русском антропологическом журнале» была опубликована статья выдающегося русского ученого-антрополога К. М. Курдова «К антропологии лезгин. Кюринцы», в которой автор, между прочим, писал: «...принимая во внимание предания самих горцев о своих предках, мы должны заключить, что еще до распространения ислама по Дагестану, особенно южному, уже были разбросаны селения горских евреев; и в настоящее время аулы горских евреев расположены или рядом с аулами туземцев, или в стороне от них, а в некоторых местах они живут даже вместе. Кроме того, по закону горцам не воспрещается брак с еврейками, и это обстоятельство еще более помогает смешению», и указав, что кюринцы отчасти «подверглись метисации со стороны представителей семитического семейства, главным образом, горских евреев», заключает: «Выяснить подробно степень и пределы самой метисации пока невозможно в виду отсутствия антропологических исследований среди горских евреев»¹³⁴. Эти проблемы — проблемы антропологического изучения горских евреев — стали объектом детального исследования со стороны К. М. Курдова, который совершил две поездки по местам компактного проживания горских евреев, в результате чего им были опубликованы в «Русском антропологическом журнале» две статьи: «Горские евреи Дагестана» (1905 г.)¹³⁵ и «Горские евреи Шемахинского уезда Бакинской

губернии» (1912 г.)¹³⁶. Наибольший этнографический интерес представляет статья о горских евреях Дагестана; в ней автор дает интересные сведения о материальной культуре горских евреев, их занятиях и т. д. Касаясь проблем этногенеза и ранней этнической истории горских евреев, автор указывает, что «можно допустить появление евреев на Кавказе, между прочим, и в Дагестане, в начале нашей эры, по-видимому, они были широко распространены на территории страны и более многочисленны, на что указывают также развалины их аулов, могилы и пр. в некоторых местах Дагестана и Бакинской губернии»¹³⁷. В результате непосредственного наблюдения над различными сторонами жизни и быта горских евреев, автор приходит к выводу, что по «устройству своего внутреннего жилища, характеру одежды, составу пищи, обычаям, семейному быту и нравственному облику, горские евреи во многом напоминают горцев, но имеют и свои особенные, отличительные черты...»¹³⁸

В августе 1907 г. в журнале «Юная Россия» был опубликован очерк известного собирателя и публикатора северокавказского фольклора В. Гатцука «Кавказские еврей-горцы»¹³⁹. Автор излагает некоторые проблемы этногенеза горских евреев (по опубликованным литературным источникам); говоря о занятиях горских евреев, автор отмечает, что они в подавляющем большинстве мелкие ремесленники: портные, шапочники, медники, резчики по металлу и т. д. «По внешности горцев-евреев, — указывает Гатцук, — трудно отличить от тех кавказских племен, среди которых они живут. Та же стройность стана и крепость сложения, такие же смуглые лица с правильными чертами, орлиным носом и большими темными глазами. А одет еврей в такой же костюм, и храбро отстаивает свое имущество от хищнических покушений; стрелки из винтовок среди горцев-евреев попадаются превосходные.

— Так же весьма мало отличаются горцы-евреи от тех племен, среди которых они живут, — и по образу жизни, и по языку. Жилища и внутреннего обстановка их, весь домашний обиход, пища такие же — за исключением лишь тех особенностей, которые вызываются правилами иудейской религии...»

Интересно, что в последующих номерах журнала «Юная Россия» за 1907 г. В. Гатцук опубликовал два сказания горских евреев: «Помощь божья и людская»¹⁴⁰ и «Сокровища Каруна»¹⁴¹.

В русско-еврейской газете «Рассвет» в октябре 1908 г. была напечатана статья некоего автора, скрывавшегося под

весьма выразительным псевдонимом «Ното», «Среди горских евреев»¹⁴². Статья содержит любопытное описание дербентского горско-еврейского квартала. По сведениям автора, в Дербенте проживало около 1000 семейств горских евреев (5090 чел.); сообщая сведения о различных сторонах жизни и быта горских евреев (жилище, одежда, внешний вид, разговорный язык, особенности этнической психологии и т. д.), автор особо подчеркивает тяжелое материальное положение большинства жителей поселка. «Занятия у горских евреев, — пишет он, — различные: есть садовладельцы — виноградары, торгуют коврами, вином; есть и лавочники, рабочие на рыбных промыслах... В последнее время появляются среди горских евреев и ремесленники: столяры, кузнецы, слесари и маляры...»

Автор подробно описывает положение горско-еврейской женщины. По его словам, девочка уже с самого рождения презируется отцом и братьями за то, что она имела несчастье родиться девочкой. В соответствии с нормами традиционного обычного права дочь беспрекословно подчинялась воле отца и старших братьев; ее главной обязанностью было выполнение домашних дел. «Для того, чтобы они не сошли с пути истинного, — замечает автор, — их на 10-м, 11-м году выдают замуж (в настоящее время выдают замуж 14-ти или 15-летних). Это делается очень просто: отец жениха и отец невесты сходятся, уславливаются, выпивают водку, закусывают орехами и участь четырнадцатилетней дочери решена. Она выходит из опеки отца и входит под опеку 15—16-летнего мужа, который делается господином желаний, стремлений и воли своей жены». По свидетельству автора, «в последнее время женщины, более молодые, постепенно освобождаются от этого долголетнего рабства, начинают перенимать обычаи европейцев, сбрасывают «платки», одеваются по-европейски, и некоторые родители, как видно, понимая, что жизнь сильнее их, посылают своих дочек в гимназию и в другие учебные заведения. Бывали даже случаи любовных историй и замужества против воли родителей».

Некто Х. Б. в сентябре 1911 г. в русско-еврейском еженедельнике «Новый Восход» опубликовал статью «Куба (Бакинской губ.)», в которой дает фрагментарные этнографические сведения о кубинской горско-еврейской слободе¹⁴³. Также описанию кубинской слободы посвящена довольно любопытная статья А. И. Иверина «Горские евреи», напечатанная в августе 1912 г. в тифлисской газете «Кавказ». Автор касает-

ся вопросов этногенеза и этнической истории горских евреев (пользуясь опубликованными литературными источниками), подробно описывает традиционный комплекс горско-еврейской одежды, занятия горских евреев, их внешний вид и т. д.¹⁴⁴.

Известный ученый, автор многочисленных работ по антропологии еврейских этнографических групп, профессор С. А. Вайсенберг летом 1912 г. посетил еврейские поселения на территории Крыма и Кавказа; результатом этой поездки стал его путевой очерк, опубликованный в шестом томе журнала «Еврейская старина» за 1913 г., одна из статей которого посвящена кавказским евреям¹⁴⁵. Непосредственно горских евреев автор наблюдал в Кубе, Дербенте и Тарках. Анализируя имевшиеся у него литературные источники, а также учитывая устные народные традиции, Вайсенберг рассматривает вопросы этногенеза и этнической истории горских евреев (по существу, повторяя выводы Миллера, изложенные в предисловии к его «Материалам...»); укажем, что некоторые его суждения достаточно спорны. Автор дает ценный и разнообразный описательный материал о многих сторонах жизни и быта горских евреев; так, говоря об их занятиях, он указывает, что «кубинцы главным образом торговцы, дербентцы преимущественно занимаются садоводством и виноградарством», тарковцы же занимаются в основном кожевенничеством. Довольно интересно и подробно пишет автор о распространении просвещения среди горских евреев.

В первой половине 1910-х гг. на страницах русско-еврейской периодической печати происходила любопытная полемика, в ходе которой высказывались самые различные, порой прямо противоположные, взгляды на развитие школьного образования среди кавказских евреев. Одна из статей, опубликованных в ходе дискуссии, представляет определенный этнографический интерес — это статья некоего Я. М. (по всей видимости, жителя Дербента) «Русские евреи на Кавказе», напечатанная в 1914 г. в газете «Рассвет»¹⁴⁶ (название статьи не должно вводить в заблуждение читателя — в данном случае речь идет о дагестанских горских евреях).

Изданная в 1914 г. в Одессе небольшая девятистраничная брошюра известного ученого-кавказоведа С. Л. Авалиани под названием «Кавказские евреи. (Нравы и быт)»¹⁴⁷, содержащая большой этнографический материал и получившая довольно широкую известность, фактически является (в части, касающейся горских евреев) конспективным изложением основных положений монографии И. Ш. Анисимова «Кавказские евреи-горцы».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Сливицкий И. А.* Кавказские евреи.//Кавказ. Тифлис, 1853, 25 февр., № 15; то же—Особое приложение к газете «Кавказ». Тифлис, 1868, вып. 1, с. 21—35.
- ² *Сливицкий И. А.* Указ соч.//Особое приложение..., с. 33—34.
- ³ Там же, с. 23.
- ⁴ *Кавказец.* Кавказские евреи.//Гакармель (русское приложение). Вильно, 1862, 13 июля, № 2, с. 7—8; 20 июля, № 3, с. 9—10.
- ⁵ *Кавказец.* Указ. соч., с. 7.
- ⁶ Там же, с. 10.
- ⁷ *Черный И.* Горские евреи.//Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870, вып. 3, отд. 1, с. 1—44 [3-я пагинация].
- ⁸ *Черный И.* Указ. соч., с. 1.
- ⁹ Там же, с. 6.
- ¹⁰ Там же, с. 9.
- ¹¹ Там же, с. 14.
- ¹² Там же, с. 14—15.
- ¹³ Там же, с. 21.
- ¹⁴ Там же, с. 21.
- ¹⁵ Там же, с. 40.
- ¹⁶ Там же, с. 44.
- ¹⁷ *Г-б-г.* Кавказские евреи.//Восход. СПб., 1884, XII, декабрь, с. 34.
- ¹⁸ *Дубелир Д. М.* Евреи на Кавказе.//Вестник русских евреев. СПб., 1871, 3, 10, 17, 24, 31 янв., 7 и 14 февр., № 1—7.
- ¹⁹ *Дубелир Д. М.* Указ. соч., с. 13.
- ²⁰ Там же, с. 115—116.
- ²¹ *Немирович-Данченко Вас. Ив.* Воинствующий Израиль. (Неделя у дагестанских евреев). СПб., тип. М. И. Румша, 1880, VI, 132 с.
- ²² О книге В. И. Немировича-Данченко «Воинствующий Израиль».//Новое время. СПб., 1880, 15 (27) июня, № 1542.
- ²³ *Немирович-Данченко Вас. Ив.* Указ. соч., с. 49—50.
- ²⁴ *Немирович-Данченко Вас. Ив.* В море. (Очерки и впечатления из поездок по низовьям Волги и по Каспию). 3-е изд., М., изд. т-ва И. Д. Сытина, 1911, с. 135—140.
- ²⁵ *Александров.* Горские евреи. (Исторические сведения о них и очерк их быта).//Русский еврей. СПб., 1882, 4 ноября, № 44, с. 1668—1672.
- ²⁶ *Сегаль И. Л.* Кавказские евреи. Одесса, 1883, 27 с.
- ²⁷ *Аидлаев Хазби.* Из местных еврейских нравов.//Терские ведомости. Владикавказ, 1884, 23 августа, № 68.
- ²⁸ *Б. Ф.* Кавказские горские евреи. (Даг-Чуфут).//Кавказ. Тифлис, 1885, 22 марта, № 77.
- ²⁹ *Кто-нибудь.* Несколько слов о горских евреях.//Терские ведомости. Владикавказ, 1887, 12 апреля, № 30; то же—Новое обозрение. Тифлис, 1887, 5 (27) апреля, № 1142; то же—Северный вестник. СПб., 1887, июнь, № 6, отд. II, III, с. 94—95.

³⁰ *Васильев А. Т.* Горские евреи.//Новое обозрение. Тифлис, 1889, 19 янв., № 1752; 29 июня, № 1903; 4 июля, № 1907; 28 июля, № 1930; 1 авг., № 1937; 15 авг., № 1948; 19 авг., № 1951.

³¹ См. список литературы о жизни и деятельности В. Ф. Миллера: *Калоев Б. А. В. Ф. Миллер — кавказовед.* (Исследования и материалы). Орджоникидзе, Сев.-Осет. кн. изд-во, 1963, с. 195—196; *Косвен М. О.* Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке.//Кавказский этнографический сборник. М.—Л., Наука, 1962, вып. III, с. 167 и т. д.

³² *Миллер Б. В.* О кубинском говоре татского наречия горских евреев Кавказа.//Записки Института Востоковедения АН СССР. М.—Л., изд. АН СССР, 1932, т. 1, с. 269; *Сперанский М.* Всеволод Федорович Миллер. М., печ. А. И. Снегиревой, 1914, с. 3—5; *Соколова В. С., Грюнберг А. Л.* История изучения бесписьменных иранских языков.//Очерки по истории изучения иранских языков. М., изд. АН СССР, 1962, с. 139—140; *Базиянц А. П.* Лазаревский институт отечественного востоковедения. М., Наука, 1973, с. 138—139 и т. д.

³³ *Поржезинский В.* Преподавательская и ученая деятельность Всев. Фед. Миллера в области языковедения. М., печ. А. И. Снегиревой, 1914, с. 12.

³⁴ Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., Наука, 1988, вып. X, с. 157.

³⁵ *Миллер Всев. и Ковалевский Макс.* В горских обществах Кабарды.//Вестник Европы. СПб., 1884, том II, кн. 4, с. 543—544.

³⁶ *Миллер В. Ф.* Материалы для изучения еврейско-татского языка. Введение, тексты и словарь. СПб., изд. Академии наук, 1892, предисловие, с. I.

³⁷ *Миллер В. Ф.* Материалы..., с. 1—53.

³⁸ *Калоев Б. А.* Указ. соч., с. 61.

³⁹ *Миллер В. Ф.* О происхождении и языке кавказских евреев.//Труды седьмого Археологического съезда в Ярославле. 1887, М., тип., Э. Лисснера и Ю. Романа, 1892, т. III, с. 74—75.

⁴⁰ Труды седьмого Археологического..., протоколы съезда, с. 8, [1-ая пагинация].

⁴¹ *Миллер В. Ф.* О происхождении кавказских евреев.//Древности восточные. М., 1889, т. 1, вып. 1, протоколы, с. 16—17.

⁴² *Миллер В. Ф.* Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического музея. М., тип. М. Г. Потапова, 1887, вып. 1, с. 155.

⁴³ *Миллер В. Ф.* Материалы для изучения еврейско-татского языка. Введение, тексты и словарь. СПб., изд. Академии наук, 1892, IV, XXIV, 90 с.

⁴⁴ *Миллер В. Ф.* Материалы..., введение, с. I.

⁴⁵ Там же, введение, с. XIII.

⁴⁶ Там же, введение, с. XVI.

⁴⁷ *Миллер В. Ф.* О семитском элементе в татском наречии горских евреев.//Археологические известия и заметки. М., 1899, т. 7, № 11—12, протоколы, с. 380—381; то же — Древности восточные. М., 1901, т. 2, вып. 2, протоколы, с. 178—179; то же — Древности восточные. М., 1903, т. 2, вып. 3, с. 160—168.

- ⁴⁸ Миллер В. Ф. О семитском...//Древности..., с. 168.
- ⁴⁹ Миллер В. Ф. Евреи горские.//Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1893, т. XI, с. 464—465.
- ⁵⁰ Миллер В. Ф. Кавказские языки.//Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1894, т. XIII, с. 814—818.
- ⁵¹ Миллер Всев. Очерк фонетики еврейско-татского наречия. М., тип. В. Гатцук, 1990, VIII, 32 с.
- ⁵² Миллер Всев. Очерк морфологии еврейско-татского наречия. М., тип. В. Гатцук, 1901, (6), 53, III.
- ⁵³ Миллер В. Ф. Морфологические черты еврейско-татского наречия. //Древности восточные. М., 1903, т. 2, вып. 3, протоколы, с. 212—213.
- ⁵⁴ Миллер Всев. Очерк морфологии..., предисловие (с. 1).
- ⁵⁵ Миллер В. Ф. Татские этюды. Ч. I. Тексты и татско-русский словарь. М., тип. Вач. Ал. Гатцук, 1905, предисловие, с. 1.
- ⁵⁶ Миллер В. Ф. Татские этюды. Ч. I. Тексты и татско-русский словарь. М., тип. Вяч. Ал. Гатцук, 1905, IV, с.; Ч. II. Опыт грамматики татского языка. М., 1907, X, 69 с.
- ⁵⁷ Миллер Всев. Еврейско-татский ма'ни.//Записки Восточного отделения Русского Археологического общества. СПб., тип. Акад. наук, 1913, т. XXI, с. 0117—0128.
- ⁵⁸ Марков А. В. В. Ф. Миллер (1848—1913). Тифлис, тип. К. П. Козловского, 1914, с. 5.
- ⁵⁹ Миллер Б. В. О кубинском говоре татского наречия горских евреев Кавказа.//Записки Института Востоковедения АН СССР. М.—Л., изд. АН СССР, 1932, т. 1, с. 269—290; Он же. Татские тексты. (Материалы по говорам татов Советского Азербайджана).//Иранские языки. М.—Л., изд. АН СССР, 1945, вып. I, с. 107—1206; Он же. Таты, их расселение и говоры. (Материалы и вопросы). Баку, изд. Об-ва обслед. и изучения Азербайджана, 1929, 44 с.
- ⁶⁰ Маггид Д. Г. Евреи на Кавказе.//Евреи на южных окраинах России. Вып. I, Петроград, б. г., с. 28.
- ⁶¹ Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. СПб, 1908, т. 2, с. 582.
- ⁶² Давид Ицхак. История евреев на Кавказе. Тель-Авив, «Кавкасиони», 1990, т. 2, с. 197.
- ⁶³ Краткая Еврейская Энциклопедия. Иерусалим, «Кетер», 1982, т. 2, с. 187.
- ⁶⁴ ЦГИА г. Москвы, ф. 372, оп. 2, ед. хр., 956, лл. 5—5об., 6—6 об.
- ⁶⁵ Анисимов И. Кавказские еврей-горцы.//Рассвет. СПб, 1881, 30 апреля, № 18; 12 июня, № 24.
- ⁶⁶ ЦГИА г. Москвы, ф. 372, оп. 2, ед. хр. 956, л. 21.
- ⁶⁷ Недельная хроника Восхода. СПб., 1885, 10 ноября, 45.
- ⁶⁸ Труды этнографического отдела ОЛЕАЭ. М., 188, т. XL, вып. 2, кн. VIII, с. 13.
- ⁶⁹ Там же, с. 16.
- ⁷⁰ Там же, с. 19 (см. список членов этнографического отдела).
- ⁷¹ Там же, с. 20.

⁷² Древности. М., 1888, т. 12, вып. I, протоколы заседаний МАО за 1886—87 гг., с. 64.

⁷³ Протоколы заседаний ОЛЕАЭ. М., 1887, т. LI, вып. 1, с. 24.

⁷⁴ Анисимов И. Ш. Кавказские евреи-горцы. М., тип. Е. Г. Потапова, 1888, с. 11.

⁷⁵ Переписка опубликована в монографии Б. А. Калоева «В. Ф. Миллер-кавказовед». Орджоникидзе, 1963, с. 140—156.

⁷⁶ См.: Калоев Б. А. Указ соч., с. 143.

⁷⁷ См.: Калоев Б. А. Указ соч., с. 147.

⁷⁸ Judische Presse. Berlin, 1887, № 10, с. 105—106.

⁷⁹ Протоколы заседаний ОЛЕАЭ. М., 1887, т. LI, вып. 1, с. 24.

⁸⁰ Там же, с. 24.

⁸¹ Анисимов И. Ш. Кавказские евреи-горцы. // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском этнографическом музее. М., 1888, вып. III, с. 171—322; отд. изд.—М., тип. Е. Г. Потапова, 1888, 152 с.

⁸² Анисимов И. Ш. Указ. соч. (отд. изд.), с. 1.

⁸³ Там же, с. 1—7.

⁸⁴ Там же, с. 11—13.

⁸⁵ Там же, отд. лист «Статистические сведения».

⁸⁶ Там же, с. 15.

⁸⁷ Там же, с. 24.

⁸⁸ Там же, с. 39—40.

⁸⁹ Там же, с. 41.

⁹⁰ Там же, с. 84.

⁹¹ Там же, с. 94—95.

⁹² Там же, с. 96.

⁹³ Там же, с. 19.

⁹⁴ Там же, с. 74.

⁹⁵ Там же, с. 130.

⁹⁶ Там же, с. 126—127.

⁹⁷ Там же, с. 93.

⁹⁸ Там же, с. 94.

⁹⁹ Там же, с. 42.

¹⁰⁰ Там же, с. 145.

¹⁰¹ «Кавказские евреи-горцы» И. Ш. Анисимова. // Русская мысль. М., 1888, № 9, сентябрь, с. 437—439; К-м-а А. Евреи-горцы. («Кавказские евреи-горцы» Ильи Анисимова). // Восход. СПб., 1889, кн. I—II, январь-февраль, с. 92—110; кн. III, с. 49—64; О. И. Кавказские евреи-горцы Ильи Шеребетовича Анисимова. // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1889, № 3, март, с. 236—237.

¹⁰² Каймарзов Г. Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971, с. 90.

¹⁰³ ЦГИА г. Москвы, ф. 372, оп. 2, ед. хр. 956, л. 97.

¹⁰⁴ Калоев Б. А. Указ. раб., с. 153.

¹⁰⁵ ЦГАЛИ, ф. 323, оп. 1, ед. хр. 56.

¹⁰⁶ Анисимов И. Горские евреи. // HaschiJoach. Берлин, 1908, т. 18, вып. 107, с. 467—472 (на из. иврит).

¹⁰⁷ Анисимов Т. Ответ на письмо Э. Аважанского и нечто о распространении просвещения среди горских евреев. // Дагестан. Петровск, 1906, 18 марта, № 15.

¹⁰⁸ Anisimov N. Grammatik zuhun tati. М., Tsentrizdat, 1932, с. 15.

¹⁰⁹ Пантюхов И. Парши у семитов Кавказа. СПб., 1890, тип. П. И. Шмидта, с. 6—7.

¹¹⁰ Пантюхов И. И. О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе. // Медицинский сборник. Тифлис, 1896, № 58, с. 196—197.

¹¹¹ Пантюхов И. Судьбы кавказских евреев. // Кавказ. Тифлис, 1901, 2 ноября, № 289.

¹¹² Малинин Л. В. О свадебных платежах и о приданом у кавказских горцев. // Этнографическое обозрение. М., 1890, кн. VI, № 3, с. 33, 41, 42, 52.

¹¹³ Надеждин П. П. Кавказский край. Природа и люди. 3-е изд. Тула, 1901, с. 163—166.

¹¹⁴ П. Т. Туземные евреи. // Новое обозрение. Тифлис, 1894, 1 декабря, № 3756.

¹¹⁵ Бежанов М. Евреи в с. Варташен. (Елисаветпольской губ., Нухинский уезд). // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1894, вып. 18, отд. 3, с. 111—127.

¹¹⁶ Бежанов М. Краткие сведения о с. Варташен и его жителях. // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1892, вып. 14, отд. 1, с. 215, 218, 219.

¹¹⁷ Бежанов М. Евреи в с. Варташен..., с. 115—116.

¹¹⁸ Бежанов М. Указ. раб., с. 121.

¹¹⁹ Там же, с. 122.

¹²⁰ Там же, с. 123.

¹²¹ -берг. Кавказские евреи. // Кавказ. Тифлис, 1895, 22 сентября, № 250.

¹²² Кривенко В. С. По Дагестану. (Путевые заметки). // Русский вестник СПб., 1896, т. 243, № 4, апрель, с. 195.

¹²³ Беркут. Слобода Нальчик. // Казбек. Владикавказ, 1896, 2 января, № 6.

¹²⁴ Бирюлькин А. Евреи в Кабарде. // Терские ведомости. Владикавказ, 1898, 5 июля, № 79.

¹²⁵ Свидерский П. Ф. Материалы для антропологии Кавказа. Кумык. СПб., типо-литография М. Я. Минкова, 1898, с. 28—60.

¹²⁶ Хаханов А. О горских евреях. // Кавказ. Тифлис, 1900, 26 ноября, № 313.

¹²⁷ фон-дер-Ховен Н. Туземные евреи Кавказа. (Из воспоминаний о моей службе на Кавказе). // Будущность СПб., 1900, 30 декабря, № 52, с. 1055—1056.

¹²⁸ Леви Г. Быт и нравы кубинских горских евреев. // Восход. СПб., 1901, 9 августа, № 46, с. 21—22.

¹²⁹ Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура, 1902, вып. 1, отд. 1, с. 40, 93, 114, 197.

¹³⁰ Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура, 1904, вып. 2, отд. 1, с. 22—23.

¹³¹ *Эйзенбет И.* В гостях у горца-еврея. (Очеркк).//Восход. СПб., 1903, 26 сентября, № 39, с. 27—33.

¹³² Горские евреи.//Восход. СПб., 1903, 13 февраля, № 7, с. 10—12.

¹³³ *Башинджаиан С.* Из поездок по Кубинскому уезду.//Казбек. Владикавказ, 1905, 10 февраля, № 2129.

¹³⁴ *Курдов К. М.* К антропологии лезгин. Кюринцы.//Русский антропологический журнал. М., 1901, № 3—4, кн. VII—VIII, с. 175—176.

¹³⁵ *Курдов К. М.* Горские евреи Дагестана.//Русский антропологический журнал. М., 1905. № 3—4, кн. XXIII—XXIV, с. 57—87.

¹³⁶ *Курдов К. М.* Горские евреи Шемахинского уезда, Бакинской губернии.//Русский антропологический журнал. М., 1912, № 2—3, кн. XXX—XXXI, с. 87—99.

¹³⁷ *Курдов К. М.* Горские евреи Дагестана..., с. 58.

¹³⁸ Там же, с. 59.

¹³⁹ *Гатцук В.* Кавказские евреи-горцы.//Юная Россия. М., 1907, № 8, август, с. 1035—1039.

¹⁴⁰ *Гатцук В.* Помощь божья и людская. (Легенда кавказских евреев).//Юная Россия. М., 1907, № 9, сентябрь, с. 1156—1158.

¹⁴¹ *Гатцук В.* Сокровища Каруна (сказание кавказских евреев).//Юная Россия. М., 1907, № 11, ноябрь, с. 1409—1412.

¹⁴² *Ното.* Среди горских евреев.//Рассвет. СПб., 1908, 26 октября, № 41, с. 18—20.

¹⁴³ *Х. Б. Куба* (Бакунской губ.).//Новый Восход. СПб., 1911, 8 сентября, № 36, с. 21—22.

¹⁴⁴ *Иверин А.* Горские евреи.//Кавказ. Тифлис, 1912, 2 августа, № 176.

¹⁴⁵ *Вайсенберг С.* Исторические гнезда Кавказа и Крыма. (Из отчета о летней поездке 1912 г.).//Еврейская старина. СПб., 1913, т. VI, вып. 1, с. 51—60.

¹⁴⁶ *Я. М.* Русские евреи на Кавказе.//Рассвет. 1914, 11 июля, № 28, с. 19—22.

¹⁴⁷ *Авалиани С.* Кавказские евреи. (Нравы и быт). Одесса, тип. Нау-ма Гельперина, 1914, 9 с.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отдельные краткие этнографические факты о горских евреях мы находим в ранних письменных источниках, отражающих средневековый период истории народов Кавказа (арабские источники, «Дербент-наме», записки европейских путешественников). Первой, хотя и небольшой по объему работой, в которой давалась историко-этнографическая характеристика различных сторон жизни и быта горских евреев, была соответствующая глава в сочинении И.-Г. Гербера, получившего широкую известность. В последние десятилетия XVIII в. и в первой половине XIX в. были опубликованы ряд монографий общего характера, в которых приводились фрагментарные, но весьма ценные разносторонние этнографические сведения о горских евреях. С середины XIX в. количество литературных материалов о кавказских вообще, и в частности горских, евреях резко возрастает¹; наибольшую ценность из опубликованного в период со второй половины XIX по начало XX в. представляют статьи и исследования И. Я. Черного, В. Ф. Миллера, И. Ш. Анисимова, А. Т. Васильева, М. Бежанова.

В одной из своих работ выдающийся российский кавказовед М. О. Косвен указал на одну, по его мнению, характерную черту всей дооктябрьской русской этнографии, которая заключалась «в том, что авторы, писавшие по этнографии данной народности, почти никогда не учитывали и не использовали существующей соответствующей литературы»². Это замечание вряд ли применимо по отношению к учтенной нами литературе по этнографии горских евреев. Как мы уже отмечали, многие авторы использовали — и довольно широко — при написании своих очерков и статей работы И. Я. Черного, В. Ф. Миллера, И. Ш. Анисимова.

С накоплением этнографического материала о горских евреях объектом изучения становились вопросы, как проблемы этногенеза и этнической истории, культура жизнеобеспе-

чения, свадебно-брачные институты, изучение фольклора и т. д.; отдельные стороны социально-экономической жизни (хозяйство, быт, материальная культура) были исследованы лучше, чем, например, вопросы духовной культуры. Интересно, что почти все авторы, давая характеристику горским евреям, подчеркивали их этнокультурную близость с окружающими народами Кавказа, и в то же время выделяли евреев-горцев как особую самобытную этнографическую группу населения Российской империи.

Подавляющее большинство публикаций посвящено этнографическому описанию дагестанских горских евреев, значительно меньше — азербайджанских (кубинских и, в особенности, варташенских), и совсем невелико количество материалов, обобщающих жизнь и быт северокавказских (нальчикских и грозненских) евреев; практически неописанной осталась еще одна локальная горско-еврейская группа — жители поселка Джегонас Баталпашинского отдела Кубинской области.

Не вызывает сомнения тот факт, что неразработанность ряда частных проблем этнографической науки (к которым относятся и вопросы истории этнографии отдельных народов), отрицательно сказывается на ее дальнейшем развитии³. Историографические исследования позволяют выявить и ввести научный оборот немало новых ценных источников, что является «одной из актуальных задач этнографической науки»⁴. Разумеется, нам не удалось в небольшой по объему работе рассмотреть все этнографические материалы о горских евреях, появившиеся в исследуемый период (равно как и подвергнуть их детальному историографическому разбору), но мы и не преследовали подобной цели. Наша задача изначально была более ограниченной — показать основные этапы истории этнографии горских евреев (сразу оговоримся, что предложенная нами периодизация не является оптимальной и, бесспорно, требует дальнейшей корректировки). Надеемся, что наша скромная работа послужит определенным подспорьем для исследователей истории и этнографии горских евреев.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Пульнер И.* Итоги и задачи...//Советская этнография. М.— Л., 1936, № 4—5, с. 106.

² *Косвен М. О.* Этнография и история Кавказа. М., Изд. вост. лит-ры, 1961, с. 233—234.

³ Историография этнографического изучения народов СССР и зарубежных стран. М., изд-во МГУ, 1989, с. 5.

⁴ *Волкова Н. Г.* Материалы экономических обследований Кавказа 1880-х годов как этнографический историк.//Кавказский этнографический сборник. М., Наука, 1984, вып. VIII, с. 206.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Начало накопления этнографических сведений о горских евреях в русской науке (XVIII—первая половина XIX в.)	8
Глава 2. Этнографическое изучение горских евреев во второй половине XIX—начале XX в.	17
Заключение	74

ДЛЯ ЗАМЕТОК.

Подп. в печ. 23.03.94.

Зак. 139

Объем 5 п. л.

Тир. 1000

123007, Москва, 2-й Магистральный туп., д. 7а

Тяж. УД Президента России

